

The background of the cover is a dark, textured blue with large, expressive splatters of magenta and black paint. In the lower half, two silhouetted figures are running away from the viewer on a path that leads into a bright, hazy light. The figure on the right is wearing a hat and holding a flashlight, while the figure on the left is in a more athletic pose. The overall mood is mysterious and suspenseful.

ИРИНА ГРИН

БОГ
СЧАСТЛИВОГО
СЛУЧАЯ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Ася и Кристина

Ирина Грин

Бог счастливого случая

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грин И.

Бог счастливого случая / И. Грин — «Эксмо», 2018 — (Ася и Кристина)

ISBN 978-5-04-090917-9

Ася в ужасе – ее лучшая подруга Кристина пропала! Спустя некоторое время Ася получила от нее сообщение со странной просьбой – позаботиться о псе редкой породы кане-корсо, которого Кристина подобрала в зимнем парке с огромной раной на боку. Но поиски хозяина собаки обернулись для Аси расследованием убийства... Устав от суеты и непогоды, Кристина решила улететь на край света – в Австралию. В аэропорту Сиднея она познакомилась с испуганной молодой женщиной и ее маленькой дочкой. Лина, мать-одиночка из российской глубинки, недавно вышла замуж за пожилого австралийца, с которым познакомилась через брачное агентство, но их почему-то никто не встретил... Повороты судьбы причудливы – никогда нельзя быть до конца уверенным, куда они заведут. Безоблачная стезя может вести в никуда, а путь бед и поражений окажется дорогой к удаче...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090917-9

© Грин И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Грин

Бог счастливого случая

* * *

Солнце как-то уж очень стремительно отправилось на покой, и в зимнем парке стало неуютно. Прекрасный в любое время суток летом, сейчас он совершенно не располагал к прогулкам. Вымощенная брусчаткой аллея с трудом угадывалась в темноте – фонари, похоже, никто не собирался зажигать. Их белые шары, напоминающие созревшие одуванчики, слегка раскачивались на ветру и, казалось, вот-вот сорвутся с насиженного места и полетят в теплые края. Точь-в-точь как Кристина завтра. Если, конечно, не замерзнет где-нибудь под одним из фонарей. Если-если! Никаких «если»! – оборвала она упаднические мысли. Если настраиваться на плохое, оно непременно случится. Лучше думать о хорошем. Об Австралии, например.

Об этой поездке она мечтала с семи лет, с тех пор как ее мать вышла замуж за австралийца по имени Коллинз и уехала жить на его родину. Но мечта сбываться не торопилась. Поначалу не было денег, потом деньги появились, но исчезло время. Его не хватало даже на однодневную экскурсию, не то что на такое дальнее путешествие. Раздобыть время удалось способом, который многим покажется слишком экстремальным: Кристина сломала ногу и одновременно осталась без работы, которая заменяла ей все мыслимые развлечения, вместе взятые. Конечно, это сейчас, по прошествии почти трех месяцев, можно иронизировать по поводу случившегося, а тогда казалось, что жизнь закончилась. Словно, плывя по течению, она столкнулась с айсбергом, ударилась головой и очнулась в полной темноте. Где верх, где низ – не разобрать, солнечные лучи сквозь толщу воды не пробиваются. Ошибешься, выберешь неверное направление – навсегда останешься в темных водах. Кристине повезло. Даже дважды. Она смогла сориентироваться и к тому же нашла друзей, протянувших руку помощи.¹

При мысли о друзьях стало немного неловко: никому, кроме Тимура, она не рассказала о предстоящей поездке. Почему? Да кто его знает почему! Не хотелось лишних расспросов, охов-вздохов, типа «а почему сейчас? а может, лучше подождать, пока нога окончательно не срастется?». Она бы и Тимуру не сказала, но представила забег на костылях по инстанциям для получения загранпаспорта и австралийской визы, сочувствующие взгляды... А у Тимура есть связи. Во всяком случае, он так утверждает. И, как показали дальнейшие события, не зря. Документы оформил в кратчайший срок, маршрут выбрал оптимальный, забронировал отель, чтобы можно было прийти в себя после многочасового перелета, а потом уже отправляться на поиски матери. О том, как она примет дочь, думать не хотелось. Последний раз они виделись три года тому назад, на похоронах бабушки. Кристина надела маску смертельно обиженного ребенка и ни в какую не хотела ее снимать. Внутренний голос подсказывал, что все будет хорошо и мать окажется добрее дочери, но на душе все равно скребли кошки.

Впереди уже светились разноцветными гирляндами окна домов. Еще немного, и неприветливый парк останется позади. Если повезет, можно даже поймать маршрутку, хотя в такое время они здесь почти не ходят. Водители предпочитают объезжать зимний парк стороной: пассажиры если и будут, то наверняка какие-нибудь неадекватные – алкоголики или наркоманы.

В этот момент позади нее раздался странный звук – не то стон, не то рычание, что-то мягкое ткнулось под колени. Вздвогнув от неожиданности, Кристина взмахнула руками, пыта-

¹ Подробнее читайте об этом в романе Ирины Грин «Нарушенная заповедь».

ясь сохранить равновесие, резко обернулась и застыла, парализованная взглядом огромных, полных тоски глаз.

Глава 1

На кухне засвистел чайник.

– Я выключу! – Иван отложил газету. – Ты скоро освободишься?

Ася оторвала взгляд от монитора. Улыбнулась вымученной и виноватой улыбкой:

– Пару минут... Извини...

– Я тебя не тороплю.

Выходя из комнаты, Иван оглянулся. Ася, не отрывая глаз от монитора, что-то быстро печатала, губы ее шевелились, между бровей застыла морщинка, придающая лицу скорбное выражение. Именно эта морщинка второй день не давала Ивану покоя.

Они познакомились в больнице, куда Иван Рыбак пришел навестить бывшую сотрудницу – Кристину. Увидел ее соседку по палате – и понял, что пропал. Может, сложились обстоятельства по-другому, он бы скрыл свои чувства и через какое-то время забыл обладательницу огромных серых глаз, но судьба распорядилась иначе. Были убиты сестра Аси и ее муж, сама она чудом избежала смерти. Когда Иван привез ее из больницы домой, застывшую и почерневшую от горя, он просто не смог уйти, оставить ее одну.

Постепенно, маленькими шажками, он выводил Асю из состояния оцепенения и радовался, когда на смену глубокой депрессии пришли слезы. Сначала они напоминали затяжной осенний дождь, но постепенно, вопреки законам природы, осень сменило лето. Затяжные дожди превратились в кратковременные ливни. Рыбак терпеливо переживал ненастья, чувствуя, что Ася, та Ася из больницы, потихоньку возвращается. Помогли процессу Тимур с Кристиной, решившие создать свою фирму. Ася потихоньку фрилансила, хотя в принципе не особо нуждалась в работе, но за идею ухватилась двумя руками. Хотя ее роль в новой фирме Рыбаку была абсолютно непонятна. Ну что, скажите, может делать бывшая школьная учительница, филолог по образованию, в фирме, занимающейся финансовым консалтингом и имеющей детективную лицензию? Ладно, Кристина – грамотный финансист, Тимур Молчанов – бывший хозяин банка, человек с деньгами и связями, он, Рыбак, – бывший милиционер с опытом оперативной работы. А мечтательница и фантазерка Ася? Хотя...

Иван хмыкнул, вспомнив, как они придумывали для новой фирмы имя. Кристина, пребывавшая в тот момент не в лучшем настроении, предложила название «Бывшие». Молчанов, конечно, возмутился: имя для фирмы – все, он бы лично никогда не обратился в фирму с таким депрессивным названием. Хотя, по сути, конечно, правильно – все они в каком-то роде бывшие. Долго спорили, перебирая варианты, а потом Ася, смущенно теребя край скатерти (дело происходило во время чаепития у Кристины), сказала: Кайрос. Агентство «Кайрос».

Рыбак, как раз в этот момент пытавшийся положить себе на тарелку здоровенный кусок торта, уронил его, и тот, в полном соответствии с законом бутерброда, мягко шлепнулся на блюдо «лицом» вниз.

– Что еще за Кайрос такой? – спросил он, сгребая на тарелку куски облепленного взбитыми сливками бисквита. – Это который художник?

– Ммм, Кайрос... – Тимур попробовал слово на слух и остался доволен. – Звучит неплохо. А художника, по-моему, звали Сикейрос.

– Кайрос звучит лучше, чем Сикейрос, – вмешалась Кристина. – Динамичнее.

– Да при чем тут Сикейрос! – горячо вступилась за свой вариант Ася. – И Кайрос – никакой не художник. Это бог такой.

– А, точно! Там еще Фобос и Деймос! – Иван кивнул и спросил у Аси: – Положить тебе торта?

Ася неопределенно помотала головой и продолжила:

– Фобос и Деймос немного из другой оперы, а Кайрос – это бог счастливого мгновения, миг удачи.

– А что, вполне годится, – немного подумав, одобрила Кристина и окинула вопросительным взглядом будущих компаньонов. – Годится?

Название приняли единогласно. Так что Асю по праву можно считать крестной матерью будущей фирмы.

* * *

Ася все не шла, и в голове Ивана снова начали выстраиваться версии ее тревоги. Он читал, что у людей, потерявших близких, может возникнуть вина радости, то есть обвинение себя в способности радоваться. Вполне может быть. А может, все гораздо проще? Ася привыкла жить одна, а тут свалился он, как сосулька на голову. Может, она тяготится его присутствием, но из гипертрофированной своей деликатности не решается сказать?

– Ась, чай остывает! – крикнул он и подумал: если она сейчас не придет...

Додумать не успел: Ася появилась в дверях, уставшая, но довольная. В джинсах и свитере до колен она была похожа на старшеклассницу, разделившуюся наконец с домашним заданием.

– Все! – заявила она, уселась на табурет напротив Ивана и пододвинула поближе кружку. Потом достала из кармана мобильный телефон, задумчиво посмотрела на темный экран.

– Ты ждешь звонка?

– Да нет. – Ася покачала головой, убрала телефон в карман и принялась ложечкой размешивать чай.

– Я сахар не ложил.

– Не клал, – она несколько раз кивнула, но чай мешать не перестала, из чего Иван сделал вывод, что ее мысли сейчас где угодно, только не с ним.

Она иногда поправляла его, когда он говорил неправильно. Учительница все-таки. Ненавязчиво, деликатно и совсем не обидно. Но в этот раз Ивана задело. Не ложил, не клал! Какая разница? И сам себе ответил: разница в том, что мы абсолютно разные люди. На фиг ей сдался бывший мент, ничего за всю свою жизнь не наживший, кроме дурных привычек? Ягоды надо собирать на своем поле, а не лезть в чужой огород. Хотя его бывшая жена Алена Дубова вроде была своей – милицейская дочка, знавшая о жизни сотрудников МВД не понаслышке. Поначалу все вроде бы шло хорошо, только со временем он начал замечать, как изменилась улыбка жены. У настоящей, искренней улыбки уголки губ слегка приподнимаются, а у Аленки рот растягивался в линию с двумя ямочками по краям. Получался своеобразный минус. Родной, пахнущий карамелью, но все-таки минус. И минус этот словно отнимал у их счастливой жизни что-то очень важное.

А потом он загремел в больницу. Seriously загремел, хотя абсолютно по-глупому. Догонял подозреваемого, тот лихо перемахнул через забор, и Иван, в пылу погони переоценивший свои силы, прыгнул следом. Забор рухнул, придавив незадачливого супермена.

Очнулся Рыбак в больничной палате. Алена не отходила от него ни на шаг, даже спала первые дни рядом, на скрипучей допотопной кровати с панцирной сеткой. Кормила, поила чаем, следила, чтобы он вовремя принимал лекарства. А когда Иван вернулся домой, ее вещей там уже не было. Остался лишь легкий запах карамели, который окончательно выветрился только к зиме. «Кто их поймет, этих женщин, – сказал тогда Аленкин отец, подполковник Дубов. – Говорит, семью ей хочется нормальную, детей». Так ведь Иван был не против детей. Да они никогда и не разговаривали об этом.

Года через два он увидел бывшую супругу в сопровождении абсолютно невзрачного мужичка, «штафирки» – так мысленно окрестил его Рыбак. На руках штафирка держал годовалого мальчика, упитанностью скорее напоминавшего Ивана, чем худосочного папашу. Но,

похоже, ноша папашу не тяготила. Наоборот, он смотрел на чадо с восхищением и что-то рассказывал, смешно вытягивая губы. А Аленька улыбалась. Искренне. По-настоящему.

И тогда Иван сделал два вывода. Первый – отказаться от серьезных отношений, второй – если таковые все-таки возникнут, быть более внимательным к малейшим нюансам в поведении подруги и при их появлении бить тревогу. Похоже, сейчас был именно такой момент.

– Ася! – Он подвинулся ближе, взял ее за руку.

Она оставила ложку в покое, вопросительно посмотрела на Ивана.

– Может, расскажешь, что стряслось? Я же вижу, ты сама не своя.

– Да все в порядке, – она отвела взгляд.

– Точно? Ты разве забыла, с кем имеешь дело? – нарочито грозным голосом произнес Рыбак. – Давай колись.

Она сделала глубокий вдох, словно ловец жемчуга перед погружением, и скороговоркой выпалила:

– Кристина куда-то пропала. На городском – автоответчик, мобильный – вне зоны действия. Уже третий день.

– Фу-у-у! – выдохнул Рыбак. – И всего-то? А я уж думал...

И осекся, увидев, что Ася снова взялась за ложку. Вот же болван! Да ведь она потому и молчала, что заранее предвидела его ответ.

– Ася, – он забрал у нее ложку, положил на блюдце. – Давай с тобой договоримся: как только возникают какие-нибудь проблемы, ты сразу мне докладываешь.

– Докладываю...

– А ты Тимуру не пробовала звонить?

– Тимуру? А при чем тут Тимур?

Ася уже не вспоминала о ложке и не сводила с Рыбака глаз, потемневших от набежавших слез.

– Мне кажется, в последние дни у них появились какие-то свои секреты. Может, даже что-то вроде служебного романа, – Иван заговорщически подмигнул.

– Да? – спросила она недоверчиво, а глаза молили: «Уговори меня, убеди, что это действительно так. Ты же можешь!»

– Запросто, – ответил он и метнулся за телефоном.

– Так... Где ты у нас тут? Ага, вот. Молчанов, Тимур Михайлович, – Рыбак нажал на кнопку вызова и следом на кнопку громкой связи. – Здорово, Михалыч, – сказал он, дождавшись молчановского «алло», и положил трубку на стол.

– Приветствую, – отозвался Тимур.

– Вопрос у меня к тебе, Михалыч, серьезный, – Рыбак покосился на Асю – слушает?

– Я весь внимание, – ответил Молчанов.

– Тут Ася волнуется насчет Кристины. Пропала, говорит, не звонит, не пишет.

– Кристины? Пусть не волнуется. У нее все в порядке.

Рыбак выразительно посмотрел на Асю – мол, я же говорил, и на всякий случай предупредил Молчанова, чтобы тот ненароком чего-нибудь не сморозил:

– Она, кстати, слушает наш разговор.

– Здравствуйте, Ася! – вежливо «расшаркался» Молчанов. – Я забыл, мы же на ты.

«И когда успели?» – мысленно пожал плечами Иван, а вслух сказал:

– Так что там с Кристиной?

– Она, скажем так, решила, – чувствовалось, что Молчанов тщательно подбирает слова, – немножко попутешествовать.

– Насколько немножко? – поинтересовался Иван.

– Достаточно, – неопределенно ответил Молчанов.

– Слушай, Тимур, хватит играть в кошки-мышки. Не темни, рассказывай все как на духу.

– Ну, если как на духу, то она просила никому ничего не говорить. Я обещал.

– Я понимаю, что просила. И что обещал. И что вы договорились. Но любой договор должен предусматривать форс-мажорные обстоятельства. Так сказать, непреодолимую силу. Так вот, Молчанов, если ты сейчас не скажешь, куда делась Кристина, я приеду к тебе и наваляю с этой самой непреодолимой силой. – Тут Иван увидел, что Ася делает ему какие-то знаки, посмотрел на нее вопросительно и добавил грозно: – Мы с Асей приедем. Ты даже не представляешь, как она страшна в гневе.

– А и приезжайте, – покладисто согласился Молчанов. – Я тут на днях в «Икеа» угольный гриль приобрел, как раз будет возможность провести испытания.

– Нашел испытателей-смертников! – возмутился Иван. Тащиться через весь город категорически не хотелось. Куда лучше посидеть с Асей у телевизора. И все равно, что там показывают. У него свое кино. Про любовь. Но, похоже, у Аси на этот счет было другое мнение.

– Может, вы к нам? – спросила она и смущенно добавила: – Правда, гриля у нас нет.

– Вот-вот! Ни угольного, ни газового. И мяса к нему тоже. Только чай! – вставил свои пять копеек Иван и мысленно закончил: – Попробуй только согласиться.

Очевидно, Молчанов воспринял мысленный посыл Рыбака буквально, потому что, помолчав пару мгновений, «попробовал»:

– Ну что же, чай так чай, уговорили, – и повесил трубку.

Ася тут же засуетилась, принялась тереть полотенцем и без того чистый стол, проинвентаризировала содержимое холодильника и, похоже, осталась недовольна.

– Заметь, не я его пригласил, – на всякий случай снял с себя ответственность Иван. – И вообще, он что сюда – жрать едет?

Слово «жрать» Асе, по всему видно, не понравилось, но с мыслью она согласилась. Пригладила ладонью волосы и посмотрела на Ивана.

– Красивая, – ответил он на ее молчаливый вопрос. Подошел ближе, притянул к себе, коснулся губами волос. – Аська, ты даже не представляешь, какая ты красивая.

Глава 2

Тимур сам удивился, насколько его обрадовала неожиданная возможность встретиться с Асей и Рыбаком. И главное, непонятно почему. Явно не потому, что он тяготился вынужденным одиночеством и бездельем: недавно купленный дом постоянно требовал каких-то действий – мелких ремонтов и вытекающих из них поездок по магазинам. К тому же можно было начинать раскручивать новую фирму. Не хотелось этого делать без Кристины, но обдумывать первые шаги ее отсутствие не мешало. «Тогда почему?» – мысленно спросил он себя. Ответ лежал на поверхности: Кристина. Эта невероятная женщина, одновременно решительная до безрассудства и колеблющаяся, молниеносно преображающаяся из бизнес-леди в беспомощного ребенка, и наоборот. Тимур поначалу даже усомнился в деловых качествах Кристины. Но справки, осторожно наведенные через третьих лиц в фирме, где она работала раньше, свидетельствовали об уникальной способности новой знакомой видеть неочевидное и нестандартно подходить к элементарным вроде бы вещам.

Когда она попросила помочь с документами для поездки в Австралию, первой мыслью было предложить себя в качестве попутчика. Но потом он почувствовал, что поездка эта для Кристины – из разряда вещей сугубо личных. Не зря она даже Асю не поставила в известность. Да и поехала налегке. Он ожидал увидеть огромный чемодан на колесиках, а она вышла из подъезда в легкой – не по сезону – куртке с сумкой через плечо.

– А багаж? – на всякий случай спросил Тимур.

Кристина натянуто улыбнулась, и он почувствовал – боится. И боится не многочасового перелета с пересадкой в Сингапуре, а чего-то другого. Уточнять чего он не стал. Захотела бы – сказала. Сейчас Тимур жалел, что по пути в аэропорт не попытался выяснить хотя бы причину строжайшей секретности поездки или очертить ее границы, временные и персональные. Например, сейчас, по прошествии трех дней с момента отлета, можно ли сообщить Асе и Ивану, куда подевалась их подруга, а по совместительству – будущий босс?

Впрочем, что мешает это сделать сейчас? Тимур достал смартфон и набрал номер Кристины. «Абонент находится вне зоны доступа...» Ладно, попробуем по-другому. Он зашел на сайт отеля, в котором забронировал номер для Кристины, полистал контактные телефоны и спустя пару минут услышал, что мадам Светлова в гостинице не появлялась.

В принципе в этом тоже не было ничего страшного. Наличие ваучера из отеля являлось одним из необходимых условий получения визы. Может, в Сиднее ее кто-то встретил, и сейчас они наслаждаются красотами Зеленого континента, а он, Тимур, волнуется. Волнуется? Он прислушался к своим ощущениям. Да вроде не очень. Нет у него чувства нависшей над Кристиной беды. Но оно есть у Аси, и этого вполне достаточно, чтобы начать совершать какие-либо шаги. Ведь была же мысль одновременно с Кристиными документами сообразить себе загранпаспорт. Старый уже лет пять как просрочен. Хотя сейчас тоже не поздно. Три дня на паспорт, три дня на австралийскую визу. Тимур посмотрел на часы – придется немного задержаться. Десять минут ушло на переговоры с руководителем фирмы, занимающейся срочным оформлением документов для заграничных путешествий, еще пять – на оплату счета за услуги, пять – на сканирование паспорта и заполнение заявления. Через полчаса он уже вырулил на трассу и понесся в сторону города. Свежий морской ветер бился в лобовое стекло, Тимур открыл окно и выставил навстречу ветру ладонь. Тот ткнулся в нее теплой, чуть влажной мордой. Весна.

Судя по довольному лицу Рыбака и смущенному Аси, его задержка пришлась очень кстати. Но Тимур был в первую очередь человеком дела, поэтому, откинув в сторону эмоции, сразу приступил к изложению фактов. Во-первых, Кристина не уполномочила его сообщать

кому бы то ни было маршрут ее путешествия. Во-вторых, он сам отвез ее в аэропорт. В-третьих, до места назначения она до сих пор не добралась.

– Поэтому, – подвел черту под его размышлениями Рыбак, – хватит строить из себя святого отца, блюдущего тайну исповеди, рассказывай.

И Тимур рассказал.

– Австралия? – выдохнула Ася, глядя на него с отчаянным недоверием. – Но почему Австралия?

Тимуру оставалось лишь пожать плечами. Неисповедимы пути твои, Кристина Светлова.

– И что мы теперь будем делать? – Ася сказала это тихо, почти про себя, не обращаясь ни к кому, но Тимур почувствовал, как Рыбак внутренне вытянулся во фрунт.

– Как что? Искать! – твердо ответил он и, обращаясь к Тимуру, спросил: – Есть какие-нибудь предложения?

Тимур задумался.

– Наверное, стоит связаться со службой безопасности отеля...

– Смысл? – перебил его Рыбак. – Если она там не появлялась, то вряд ли они чем-нибудь могут помочь. Я думаю, перво-наперво нужно убедиться, что она действительно благополучно добралась до Австралии.

– А что, могут быть варианты? Я лично проводил ее на посадку, сообщений об авиакатастрофах в СМИ не было.

– Это еще ничего не значит. Кристина – человек непредсказуемый. Ей ничего не стоило в последний момент передумать и вместо Австралии отправиться, к примеру, в Антарктиду.

– Думаешь? – Тимур поскреб подбородок. – Можно подать запрос в авиакомпанию.

– Пожалуй, запрос не помешает. Только не в авиакомпанию. Есть у меня один человек... Ты вот что, – Рыбак сунул Тимуру блокнот, из которого торчала шариковая ручка, – напиши дату, время, номер рейса.

Пока Тимур выуживал из памяти нужные сведения, в Асе с запозданием проснулась гостеприимная хозяйка.

– Чаю? – предложила она и, не дожидаясь ответа, отправилась на кухню.

– Номер рейса не помню, надо посмотреть переписку с туроператором, – заявил тем временем Тимур и кивком указал в сторону Асиного ноутбука – можно, мол?

Переписку... А если посмотреть Кристинину почту? Наверняка там можно найти ответы на интересующие их вопросы. Может, у нее сердечный друг в Австралии? От этой мысли почему-то стало грустно. Причем отнюдь не из-за того, что агентство «Кайрос» рискует уйти в небывшие, даже не успев родиться.

Воспользовавшись разрешением Рыбака, Тимур быстро нашел необходимые сведения, и, пока Иван диктовал кому-то по телефону дату и номер рейса, отправился на кухню, где Ася тонким длинным ножом чистила апельсин.

– Лимона нет, – виноватым тоном сообщила она.

– И не надо, – Тимур сел за стол, взял со стола апельсиновую корку, растер ее пальцами, вдохнул горько-сладкий запах. – Я уже и забыл, когда в последний раз ел апельсины.

– Я тоже забыл, когда последний раз ел, – заявил ввалившийся на кухню Рыбак. Он схватил с тарелки апельсиновый кружок, забросил его в рот и уселся за стол. Внимательно посмотрев на Тимура с Асей, спросил: – Итак, наши действия?

– Думаю, стоит съездить к Кристине домой, – предложил Тимур и вопросительно посмотрел на Асю.

– Ты считаешь, она может быть дома? – казалось, удивлению Аси не было предела.

– Скорее всего, нет, но проверить не мешает. Если есть, пожурим ее (слово Асе понравилось, и она кивнула) за такое нетоварищеское поведение, а если нет, постараемся найти что-нибудь, что поможет ее разыскать. Если подтвердится, что она действительно в Австралии...

Ася не дала ему договорить:

– Ты хочешь сказать, что собираешься вломиться в Кристинину квартиру и... искать? – от возмущения у нее перехватывало дыхание.

Тимур взглядом попросил у Рыбака поддержки.

– А что? Мысль нормальная! – одобрил тот.

– Что же тут нормального? Не думаю, что Кристине будет приятно, если она узнает, что кто-то рылся в ее вещах. Прямо как домушники какие-то.

– Мы не домушники, – авторитетно заявил Рыбак. – Мы сыщики. У нас уже лицензия есть. Да, Тимур?

– Разумеется. На следующей неделе поеду забирать, – подтвердил Тимур и нарвался на негодующий взгляд Рыбака. – Я хотел сказать, что она уже есть, только мне забрать было некогда. Сама понимаешь – новый дом, хлопот полон рот. Представь, что фирма уже работает, и поиски Кристины – наше первое дело.

– Ну ладно, – немного помедлив, согласилась Ася. – Предположим, мы попали в ее квартиру – и что?

– Ищем любые сведения о том, куда конкретно в Австралию она собралась ехать, – ответил Тимур.

– И, если найдем, что нам это даст? – не сдавалась Ася.

– Я понял, – ответил за Тимура Рыбак. – Королевич Елисей, помолясь усердно богу, собирается в дорогу...

– Правда, что ли? – спросила Ася.

– Ну, как-то так... – Тимур посмотрел на свои ладони.

– Правда, правда, – сказал Рыбак. – Он небось и билеты уже купил. Ведь купил?

– Практически, – кивнул Тимур. – Так что, Ася? Дашь добро?

– Ну, не знаю.

– Давай так, – Рыбак соединил пальцы домиком, – едем втроем. Ты будешь следить, чтобы мы, не дай бог, не вторглись в Кристинины секреты. Согласна?

– А чай? – спросила Ася, выражая тем самым свое согласие.

* * *

До панельной многоэтажки, в которой обитала Кристина, они добрались без приключений. Симпатичный дом, расположенный неподалеку от остановки общественного транспорта, имел, по мнению Тимура, один существенный недостаток: стены были такими тонкими, что любое слово или действие моментально становилось достоянием соседских ушей.

Вход в подъезд охранялся домофоном. Едва Ася собралась набрать код, дверь распахнулась, выпуская на свет божий женщину лет тридцати, на ходу застегивающую пальто. Не обращая внимания на троицу под дверями, женщина понеслась прочь. Придержав дверь ногой, Рыбак кивком пригласил спутников в дом.

В подъезде царил полумрак. Тимур направился было к лифту, но Рыбак остановил его.

– Пойдем пешком, – сказал он приглушенным шепотом и зашагал вверх по ступенькам. Тимур хотел спросить почему, но передумал. Пешком так пешком. Пропустив вперед Асю, Молчанов шел замыкающим. За стенкой мужской голос громко напевал под аккомпанемент текущей воды: «О боже, какой мужчина! Я хочу от него сына». Рыбак вдруг обернулся и вопросительно посмотрел на Асю. Тимур не видел Асиного лица, но даже ее пуховик выражал крайнюю степень смущения. Тимур почувствовал себя третьим лишним.

Остановившись возле Кристининой двери, Рыбак нажал на звонок. Звука они не услышали, потому что в квартире напротив взвыл пылесос. Ощущение было такое, будто рядом стартовал болид «Формулы-1». Иван приложил ухо к двери, пытаясь уловить хоть какие-то

признаки движения, но через несколько мгновений, убедившись в тщетности своих усилий, спросил:

– Что дальше?

– Кристине соседка помогала по хозяйству. Может, у нее есть ключ? – сказала Ася.

– А ты знаешь номер квартиры или хотя бы, как зовут эту соседку? – поинтересовался Рыбак.

– Нет, но думаю, если спросить, – Ася кивнула на дверь, за которой надрывался пылесос.

В этот момент пылесос смолк, и в тишине, буквально обрушившейся на головы трех сыщиков, раздался звук, от которого Тимура бросило в жар. Это было какое-то частое хриплое дыхание, и доносилось оно из-за запертой Кристининой двери.

– Кристина! – закричала Ася и забарабанила кулаком по деревянной обшивке.

Вместо ответа в квартире напротив снова подал голос пылесос.

– Надо что-то делать! – Ася схватила Рыбака за руку. – Ваня!

– Можно попробовать с разбегу выбить дверь, – предложил Тимур.

– Сильно придется разбегаться, – отверг предложение Рыбак. – Дверь стальная, замок сейфовый.

– А вдруг ей плохо стало? Вдруг она лежит под дверью? – предположила Ася. – Хотела выйти, позвать на помощь, но не смогла.

– А по телефону слабо было позвать на помощь? – скептически возразил Иван.

– Ваня! – повторила Ася с напором, давая понять, что ирония сейчас абсолютно неуместна.

– Да Ваня я, Ваня! Сейчас! – С этими словами Рыбак достал из кармана внушительную связку ключей.

– У тебя есть ключ от Кристининой квартиры? – удивилась Ася.

– И от Кристининой тоже, – Иван выбрал из связки нужный ключ, присел на корточки перед дверью. – Вуаля!

Дверь приоткрылась. Первое, что бросилось в глаза, – валяющаяся в углу Кристинина дубленка.

– А ну-ка... – Рыбак профессиональным жестом – резко, но в то же время очень бережно – отстранил Асю и распахнул дверь. – Эт-т-о еще что такое? – удивленно произнес он в следующее мгновение.

Тимур шагнул вперед и увидел то, что так удивило Рыбака. Вернее, того. Это был пес. Устрашающе огромный, с короткой темно-серой шерстью, лобастый, вислоухий, он смотрел на незваных гостей полными тоски карими глазами. Судя по всему, пес недавно попал в переделку – бок его украшала марлевая наклейка.

– Привет, друг человека, – сказал Рыбак, делая шаг вперед. Пес напрягся, всем своим грозным видом давая понять: еще шаг – и наглецу, покушающемуся на подведомственную территорию, не поздоровится. – А куда ты дел хозяйку? Надеюсь, не схарчил? – благодушно спросил Рыбак, делая вид, что не замечает исходящей от собаки агрессии.

Пес молча оскалил зубы.

– Иван, это собака-сторож. Стоит переступить линию, которой он для себя ограничил охраняемую территорию, и его челюсти сомкнутся на твоей шее, – предостерег Тимур.

– И что прикажешь делать? Вот так стоять?

В этот момент внизу хлопнула дверь, взревел лифт, и через пару мгновений на лестничной клетке появилась женщина с двумя объемными пакетами. Та самая, с которой они столкнулись на входе.

На оценку ситуации у нее ушло не больше секунды, и в следующее мгновение подъездные звуки заглушил истошный вопль:

– Полиция! Грабят!

– Спокойно, девушка, – шагнул к ней Иван, одновременно доставая из кармана одно из удостоверений, которые как бывший оперативник и будущий детектив всегда имел при себе на подобные случаи. – Мы и есть полиция.

Женщина уставилась на фотографию в удостоверении. Очевидно, из-за перенесенного испуга она никак не могла сфокусировать взгляд и поэтому переспросила:

– Полиция? Но как? Почему? Зачем?...

– Мы разыскиваем хозяйку этой квартиры – Кристину Светлову. Поступило заявление о ее пропаже, – Иван обернулся к Асе, призывая подтвердить правоту своих слов.

– Да, да, – закивала Ася, – пропала!

– А дверь как открыли?

– А у гражданки Субботиной, – Иван опять обернулся к Асе, – есть ключ. На всякий случай. Вот и пригодился. Так когда вы последний раз видели соседку – она ведь ваша соседка? – Кристину Светлову?

– Видела? – Женщина задумалась. – Не помню, то ли вчера, то ли позавчера... Сейчас... – она начала загибать пальцы, что-то шепча себе под нос. – Понимаете, у меня маленький ребенок, и я совсем потерялась во времени. А тут еще этот пес. Кристина сказала, что ее подруга о нем позаботится... Стойте, так вы и есть подруга? Что же вы так долго? У меня ребенок... А он воет... Не ест ничего... С ума можно сойти...

– Но я ничего не знала, – начала оправдываться Ася. – Кристина мне даже не позвонила...

– Ёлы-палы! – Женщина звонко шлепнула себя ладонью по лбу. – Это же я должна была позвонить! Тут еще записка от нее... Меня, кстати, Валентиной зовут. А вы Ася?

Ася кивнула. Женщина устремила в комнату, сыщики, забыв о грозном страже, последовали за ней.

– Сейчас, вот. Совсем из головы вылетело.

А Ася уже читала записку.

«Привет, Ася. Мне срочно пришлось уехать. Помогите, пожалуйста, с Рыбаком и Тимуром найти хозяина этого пса. Позвоните ветеринару, на столе визитка. Он обещал сообщить координаты. Извини, что не успела позвонить перед отъездом.

Кристина».

– Ну что там? – нетерпеливо спросил Рыбак.

– Вот, – Ася протянула ему записку, а сама нашла на столе визитку «Круглосуточная ветеринарная клиника «Док».

– Здравствуйте, – сказала она, набрав указанный в карточке номер. – Я звоню по поручению Кристины Светловой.

– Здравствуйте, – ответил мужской голос, мягкий и добрый (голос истинного Айболита, подумала Ася). – Светлова? Напомните, пожалуйста, о чем идет речь?

– Вы обещали помочь найти хозяина собаки.

– Хозяина?... Собаки?... – Похоже, мужчина не очень понимал, чего от него хотят.

– Да, собака. Здоровая, породистая. Рана на боку, – помогла ему Ася.

– А! Кане-корсо! Да, было дело! Но должен вас огорчить, ни у кого из наших городских хозяев Кане-корсо не пропадали. Так что, к сожалению, пока ничем порадовать не могу. Но вы на всякий случай позванивайте – вдруг появится какая-нибудь информация. Да и если какие-нибудь вопросы будут по содержанию. Сами понимаете: собака непростая... И рану обязательно нужно показать врачу.

– Вам?

– Можно и мне, я до завтрашнего утра дежурю, так что добро пожаловать, – согласился ветеринар, – а нет, так в любую клинику.

– Не нашелся хозяин, – доложила Ася Кристининой соседке, попрощавшись с врачом и опуская телефон в карман.

– И что теперь? – спросила та.

За время, пока Ася разговаривала по телефону, соседка, очевидно, успела сбегать домой, оставить там пальто и взять с собой ребенка – девочку с шелковистыми пепельными волосами. Глядя на ребенка, Ася поймала себя на желании притронуться к этим волосам, попробовать, какие они на ощупь.

– Так что будем делать с собакой? – повторила Валентина, прерывая ход Асиных мыслей.

– Что? Да заберем мы ее с собой! – ответила Ася. – Сейчас отвезем к ветеринару, а потом... – она обернулась в поисках Рыбака, но он разговаривал по телефону.

Ася присела перед псом на корточки. Грустные глаза оказались так близко, что можно было разглядеть окружающие их белые ресницы. Коснувшись кончиками пальцев блестящей шерсти, Ася спросила шепотом:

– Пойдешь с нами?

Пес отвел глаза.

– Мама, не отдавай собачку! – всхлипнула девочка, до сих пор молча таращившая глаза на незваных гостей, бросилась к псу, чуть не сбив с ног Асю, и повисла на его мощной шее – тот от неожиданности даже присел на задние лапы. – Мама! Он не будет плакать! Я ему мячик свой принесу. У него же нет игрушек, знаешь, как скучно без игрушек! А так будет мячик катать.

– Не выдумывай, Леся! – отмахнулась от нее мать. – Мячик! Он этим мячиком всю квартиру разнесет! Что я потом скажу Кристине? Нет, лучше забирайте!

– Можно ему еще тети-Кристинины игрушки дать. Она разрешает! – гнул свою линию неугомонный ребенок. – Дядя! Достаньте тети-Кристинины игрушки, она не будет ругаться, – потребовала девочка у Тимура.

– Я? – Тимур, до этого внимательно разглядывавший пса, вопросительно посмотрел на ребенка, потом на по-прежнему говорящего по телефону Рыбака.

– Да, – Леся оторвалась от собаки и теперь сверлила его требовательным взглядом.

– И где они? – Тимур обернулся на Асю в ожидании ее одобрения. Та молча пожала плечами и кивнула – мол, делай, что говорят.

– Пойдем, – обращаясь непонятно к кому, скомандовала маленькая дрессировщица и пошла в прихожую.

Мать, пес, Ася и Тимур – все, кроме Рыбака, по-прежнему говорящего с кем-то по телефону, – послушно последовали за ней.

– Там! – Маленький палец указал на антресоль над входной дверью.

Ася тут же рванула на кухню за табуреткой, и через минуту Тимур удивленно рассматривал гору посылок разной степени распечатанности. Наконец, остановив свой выбор на одной из них, прочел: Анна Коллинз, Бендиго, Австралия.

А еще через минуту в прихожей появился Рыбак, наконец-то закончивший разговаривать по телефону, и сообщил, что три дня тому назад Кристина благополучно прибыла в Международный аэропорт Кингсфорд Смит, город Сидней.

Глава 3

Кристина вышла из терминала, оставив позади суету, шум и усталость, и с удовольствием вдохнула воздух, пахнувший свежестью и приближающимся дождем. После кондиционированной атмосферы самолета он казался горячим и живым. Опыняющим. Даже голова немного закружилась. Моментально расхотелось куда-то идти, искать такси, которое отвезет ее в пятизвездочный отель с видом на гавань. Рука скользнула в карман куртки за телефоном, отключенным на время полета – нужно позвонить Асе, рассказать, где она, – и замерла, остановленная неприятной мыслью. Сейчас Ася начнет рассказывать о псе. Том самом, которого Кристина нашла в парке накануне отъезда. Стоило об этом вспомнить, и ее словно обдало холодным ветром из приморского парка. Снова перед глазами возникла ночная аллея, фонари-одуванчики и огромный пес с тоской в необыкновенно умных глазах.

Пес был в наморднике и не мог причинить вреда. Да он бы и без намордника не причинил, потому что с трудом держался на ногах, на боку алела рана. Кристина не знала, что будет делать с такой большой собакой, к тому же раненой, но оставить ее в парке на верную смерть не могла.

– Идти можешь? – спросила она. – Хороший пес! Давай, тут близко... Сейчас такси поймем... – И подумала: если повезет...

Им повезло. Водитель сначала не хотел везти собаку, но Кристина, стянув дубленку, постелила ее на сиденье и пообещала заплатить в два раза больше запрошенной суммы. В знак благодарности водитель помог донести пса до лифта, а в квартиру Кристина затащила его сама. И тут же побежала к Валентине, своей палочке-выручалочке. Та вызвала ветеринарную «Скорую» – Кристина даже не подозревала, что такие существуют.

Врач рассказу Кристины о том, что собаку она нашла в парке, не поверил.

– Это кане-корсо, – сказал он, присев на корточки перед лежащим на Кристининой дубленке псом, – порода дорогая и редкая. У нас в городе вряд ли больше сотни наберется. Собака явно домашняя, да и не может она жить на улице. Посмотрите, какой у нее слабый подшерсток. Она родилась в теплых странах, длительное пребывание на холоде для нее смертельно. Ей повезло, что вы ее нашли.

Остается только отыскать хозяина. Обычно собаки этой породы очень привязчивы и, потеряв хозяина, сильно тоскуют, впадают в тяжелую депрессию, которая может привести к летальному исходу.

В глазах у пса стояла такая грусть, что Кристина безоговорочно поверила и в депрессию, и в летальный исход.

– Мы обязательно найдем, – сказала она. – Обязательно.

Но думала она в этот момент как раз об обратном. Ей очень хотелось, чтобы хозяин не нашелся. Чтобы пес остался с ней насовсем. И хотя у нее никогда не было домашних питомцев и она понятия не имела, что будет делать с такой большой собакой, от мысли, что завтра, а может, даже сегодня, пса у нее заберут, охватывало чувство такого вселенского одиночества, что хоть волком вой. А доктор, хоть и был собачьим доктором, похоже, в людях тоже разбирался неплохо. А может, волна Кристининого одиночества зацепила и его. Он оторвался от собаки, посмотрел на нее внимательно.

– Да, это хорошая собака. Уверен, что ее хозяин сейчас очень сильно переживает. Если только...

Он замолчал, а Кристина мысленно закончила: если только ты не врешь, что нашла его в парке... Нет! Это чужой пес, и привязываться к нему никак нельзя. Это даже хорошо, что она завтра улетает. Пока ее не будет, Рыбак с Молчановым отвезут пса хозяину, и все закончится. И все-таки как хочется оставить собаку себе... Она вернется и купит такого же. Как называется

эта порода? Кане-корсо? Обязательно купит. Вот только ей хочется именно этого... С умными печальными глазами...

Кристина тяжело вздохнула и вытащила руку из кармана. Не будет она звонить Асе. И никому не будет. Пускай она ведет себя как страус, спрятавший голову в песок, но так намного легче. В конце концов, она в Австралии! Стране, о которой мечтала с детства. Правда, реальная Австралия несколько отличалась от той, детской. Не было радостного, брызжущего нестерпимым солнцем чуда, невиданных зверей и веселых аборигенов. Австралия чем-то неуловимо напоминала родной Кристинин город. То же затянутое облаками и готовящееся вот-вот разродиться унылым дождем небо. Те же сосредоточенные лица. Даже густо облепленный рекламными плакатами автобус, хотя и подъехал не по той стороне дороги, не казался чужим. Все как всегда. Чудес не бывает. С приглашающим шипением открылась дверь. Поехать, что ли, на автобусе? Просто сесть и поехать, мелькнула мысль, и вдруг...

– Тетя, – по-русски произнес за Кристининой спиной детский голос.

От неожиданности она вздрогнула, чуть не выронила сумку. обернулась и застыла от удивления: позади нее стоял самый настоящий ангел – в белом платье, с прозрачными крыльями за спиной и волшебной палочкой, увенчанной огромным прозрачным камнем.

* * *

Кристинину квартиру они покидали под громкий рев Леси. Девочка никак не хотела отпускать живую игрушку. Тимур было попытался произвести замену, сунув девочке плюшевого медведя, обнаруженного в посылке неизвестной Анны Коллинз из Бендиго. Но Лесю такая замена не убедила.

– Уходите поскорее! – взмолилась Валентина. И троица сыщиков в сопровождении пса поспешила к лифту.

– Итак, наши действия? – спросил Молчанов, когда они оказались в машине.

– Сначала нужно определиться, куда мы денем собаку, – подал голос Рыбак, устроившийся вместе с псом на заднем сиденье.

Пес при этом вопросительно посмотрел на него выпуклыми темно-коричневыми глазами, словно понимал, что речь идет о нем.

– Как это куда? – В голосе Аси Молчанов впервые услышал стальные нотки, но Рыбак, похоже, сильно ушел в свои мысли и пропустил их мимо ушей.

– Можно, к примеру, найти хорошую собачью гостиницу...

– Какую гостиницу! Ты разве не слышал, что написала Кристина?! – Теперь «сталь» не заметил бы только глухой.

– И что она написала? – Иван глухим не был, но предпочел «включить дурака».

– Чтобы мы нашли хозяина собаки, – напомнила Ася.

– И?

– Ну... – Ася смешалась.

– Где сказано, что мы должны притащить собаку к себе домой, уложить на наш диван и кормить из твоей любимой тарелки?

Тимур краем глаза посмотрел на Асю. Ему тоже не нравилась идея отдать пса в приют. С удовольствием забрал бы его к себе, но ведь он собрался уезжать, и через пару-тройку дней собаке опять нужно будет искать крышу над головой. Вряд ли псу такой непростой породы придется по душе частая смена адреса. Поэтому Молчанов уступил поле боя Асе. Ася же избрала какую-то одной ей известную тактику. Вместо того чтобы достойно ответить Рыбаку, она вдруг замолчала и отвернулась, изучая проплывающие за окном витрины. Тактика оказалась верной. После минутного молчания Рыбак «поплыл»:

– Ну ладно. Возьмем его к себе. Думаю, долго он у нас не загостится. Будь я хозяином такой псины, уже бы все ноги посбивал в поисках. Стоит дать пару объявлений... Кстати, сейчас попрошу своего знакомого, он повесит объявление в Интернете, и до конца дня хозяин даст о себе знать. А сейчас...

– Сейчас поедem к ветеринару, – сказала Ася и уточнила у Молчанова: – Да?

– А что там за адрес? – спросил Тимур.

– Проспект Победы, – прочитала Ася, выудив из сумочки визитку врача.

– Ближний свет, – уныло пробормотал Рыбак, вытаскивая из кармана мобильник.

– Что? – сурово спросила Ася.

– Нет, это я так, номер вспоминаю, – ответил Рыбак и в следующий момент, уже обращаясь к невидимому собеседнику, попросил: – Федя, будь другом, мы тут собаку нашли, – Рыбак включил громкую связь, чтобы его спутники могли слышать разговор. – Порода кане-корсо...

– Какая порода?

– Кане корсо...

– Первый раз слышу! Подожди, Иван Станиславович, ща загуглю... – в трубке раздалось щелканье клавиатуры, а потом восхищенный голос Лебедева: – Ничего себе зверюга!

– Ага, подтвердил Рыбак, – вот и я говорю – зверь.

– Что? В парке нашли? Вы нашли?

– Кристина Сергеевна нашла...

– А, ну тогда понятно. Вписывается в концепцию, – в трубке послышалось саркастическое хихиканье.

– В какую еще концепцию?

– Ну... Короче, вот вы, например, часто собак находили в парке?

– Да я как-то на них внимания не обращаю, – после недолгого раздумья ответил Иван. – Собаки и собаки. На них же не написано, что они потерялись.

– Вот видите! А Кристина Сергеевна – бац, и нашла. Причем не дворнягу какую-то, а родственника молоссов...

– Чьего родственника?

– Ладно, проехали. Просто хозяин наверняка за такую собаку бабок не пожалеет. То есть Кристина Сергеевна умеет бабки находить и поэтому всегда будет при деньгах. А мы с вами, Иван Станиславович, если и найдем пса более-менее котирующейся породы, то поймем только рваные штаны. И это в лучшем случае...

Увесистый камень в его огород Ивана не порадовал, поэтому он поспешил оборвать заболтавшегося программиста:

– Я понял. А вот ты, Федор, что бы предпринял для поиска хозяина собаки?

– Я? – снова раздалось клацанье клавиатуры. – А у него, случайно, нет чипа?

– Понятия не имею. Его ветеринар смотрел, ничего не сказал.

– Вас послушать, Иван Станиславович, так получается, не ветеринар, а какой-то мутант со сканером вместо глаза. Чип только сканером можно разглядеть. А потом с помощью компа узнать, где родился пес. А если повезет, то и фамилию растяпы, который его потерял. Ща я вам скажу, куда ехать, – безапелляционно заявил Лебедев и после непродолжительного щелканья добавил: – На улицу Правды езжайте, в «Пес и кот».

– Но мы на проспект Победы собирались, – вяло засопровтивлялась Ася.

– Проспект Победы? – снова щелканье – Нет. Там полный отстой. Давайте на Правды.

– А чем Победа не угодила? – Рыбаку все-таки хотелось остановить не в меру раскомандовавшегося программиста.

– На Победе по старинке клеймят бедных животных – каленым железом. А на Правде, если повезет, вы моментально узнаете, откуда собачка родом. Да и мне недалеко от дома. Хочется познакомиться с этим вашим кане-корсо.

Тимуру было понятно, что последний аргумент является главным в логике не в меру любопытного Лебедева. Расстояние между точкой, в которой находилась машина, и двумя ветеринарными клиниками получилось практически одинаковым, поэтому, не дожидаясь, пока его спутники обсудят и одобряют изменение маршрута, он перестроился в крайний левый ряд, готовясь к повороту на улицу Правды.

* * *

– Тетя! – повторил ангел и указал палочкой на автобус. – Этот автобус идет до «Хилтон Сидней Отель»?

В этот момент чудом пробившийся сквозь тучи солнечный луч упал на камень, венчающий жезл. Камень ожил, выпустив на волю стайку солнечных зайчиков, и Кристина поняла, что никакой это не ангел, а девочка лет пяти. А крылья и волшебная палочка – часть костюма.

Кристина шагнула к автобусу и спросила у водителя, идет ли этот автобус до «Хилтон Сидней Отель».

Водитель, которого, очевидно, озадачило ее произношение, сначала недоуменно пожал плечами, а потом утвердительно закивал:

– Да, да, «Хилтон Сидней Отель».

При этом он практически не открывал рта, и Кристине пришлось положиться скорее на его кивание, чем на слова.

– Идет! – сказала она девочке.

– А сколько стоит? – поинтересовалась та.

– Сколько стоит проезд? – спросила Кристина у водителя и для большей наглядности достала из сумки кошелек и выразительно потрясла им.

В ответ водитель что-то ответил, вопросительно посмотрел на Кристину, мол, будешь ехать или продолжать говорить.

– Спасибо, – сказала Кристина и кивнула, давая понять, что разговор окончен. Вот они, трудности перевода. Конечно, она читала об австралийском акценте и сложности его восприятия. Но считала, что особых затруднений у нее не возникнет. Но первый же австралиец резко опроверг ее надежды. Кристина мысленно прокрутила в голове ответ водителя. Нет, ни одно из числительных произнесенные звуки не напоминали.

Дверь, шипя, закрылась, автобус покатиł дальше.

– Не знаю я, сколько стоит. Не поняла, – сказала Кристина, обернувшись к своей неожиданной собеседнице. – Где-то около десяти долларов.

– Ого-о-о, – огорченно протянула девочка, – это для нас очень дорого.

Для кого это – для нас? – хотела спросить Кристина, но в этот момент из дверей терминала вышла женщина, таща за собой огромный чемодан на колесиках. Невысокого роста, стройная, в строгом темно-синем платье, которое Кристина про себя окрестила «дизайнерским», женщина находилась в крайней степени волнения.

– Лена! Леночка! Вот ты где! – укоризненно воскликнула женщина. – Разве можно так поступать? Я чуть с ума не сошла! Думала, что еще и тебя потеряла!

Она говорила строго, но в голосе сквозила неподдельная любовь.

– Ма, я не потерялась, я тут, – девочка подбежала к ней, обняла. – Тут!

– Вижу, что тут, – женщина оттащила чемодан с прохода и устало вытерла лоб.

«Надо же, – подумала Кристина, с улыбкой прислушиваясь к разговору матери с дочерью, – первые люди, которых я встретила в Австралии, – русские!»

– Билет на автобус стоит десять долларов, представляешь! – торопливо докладывала тем временем матери девочка. – А может, и не десять. Это тетя сказала. Она по-русски умеет разговаривать. И что мы будем делать? Поедем на автобусе? Или еще подождем?

– Помолчи, Елена, не тараторь, – перебила ребенка женщина. – Подождем. Он обязательно приедет. Наверное, пробки...

– Ну и правильно. Не поедем на автобусе. Знаешь, – девочка понизила голос до заговорщического шепота, – у этого автобуса дядя-водитель сидел не с той стороны.

– Привыкай, родная, тут, в Австралии, все по-другому, все вверх ногами, – мать провела рукой по голове девочки. – Но мы с тобой обязательно справимся.

Из терминала хлынула толпа с очередного рейса, и громкая речь на иностранном языке вперемешку со взрывами смеха заглушили последние слова.

Подъехал автобус, и пассажиры, подгоняемые начавшим накрапывать дождиком, устремились к дверям. Кристина оглянулась в поисках женщины с ребенком, но они исчезли – то ли спрятались от дождя в здании терминала, то ли дождались встречающих.

Найти стоянку такси не составило труда. Водитель серебристого «Форда» выглядел слишком прилично для таксиста: пиджак из тонкой шерсти, белая сорочка. Не таксист, а банковский служащий какой-то. Вспомнился рассказ Тимура о том, что таксистами в Австралии зачастую работают иммигранты-специалисты, которые не смогли или еще не успели подтвердить свои дипломы. Английский у водителя тоже оказался на высоте. Во всяком случае, Кристина понимала его гораздо лучше, чем водителя автобуса, у которого так и не смогла узнать стоимость проезда. Воспоминания о водителе потянули за собой воспоминания о женщине, которую никто не встретил.

«Форд» пристроился за автобусом и медленно двигался мимо мокнувших под дождем серых зонтиков кафе, следом потянулся многоэтажный паркинг. Кристина невольно оглянулась назад, и ей показалось, что она видит девочку в белоснежном платье с крыльями за спиной. Девочка взмахнула палочкой...

– Извините, мне нужно вернуться к терминалу, – сказала Кристина водителю.

Он снисходительно улыбнулся:

– Забыли багаж?

– Нет, я... – объяснять было долго. – Просто мне нужно вернуться. А потом обязательно поедем в отель.

Водитель наверняка привык к неожиданным изменениям маршрута. Найдя место для разворота, он так же медленно поехал назад.

Паркинг, кафе, терминал... девочки не было.

Дождь разошелся не на шутку, но Кристина все же выскочила из такси и побежала к дверям терминала.

Женщину в дизайнерском платье она обнаружила почти сразу. Платье, которое обязывает, – так называла подобную одежду бабушка. Есть платья, которые обязывают беззаботно смеяться, есть – изображать томную грусть. Есть платья, в которых нужно быть королевой. С идеальной осанкой, королевской походкой, соответствующим выражением лица. Именно такое платье было на женщине. Оно обязывало, и женщина под тяжестью этого, непонятно зачем взятого на себя обязательства, выглядела жалкой, какой-то опустошенной. Дополняли картину темные полукружья под глазами, поникший взгляд.

– Здравствуйте, – сказала Кристина, подходя к ней. – Ваша дочка сказала, что вам нужно в отель? У меня такси, и я с удовольствием вас подброшу.

– Спасибо вам. У нас денег осталось совсем немного... – женщина опустила глаза, щеки ее слегка порозовели. – Глупо как-то получилось. В аэропорту Леночка увидела волшебную палочку... Пришлось купить. Я была уверена, что Арнольд нас встретит. Арнольд – это мой муж, он купил костюм, а палочки не было. Мы и купили, – пояснила она и еще больше порозовела. – Мы вчера... нет, позавчера разговаривали, он сказал, что приготовил нам сюрприз. А сегодня звоню – телефон выключен. Даже не знаю, что думать.

«Хорошенький сюрприз получился», – подумала Кристина.

– Он номер заказал в отеле, обещал нас отвезти в парк, где можно кенгуру потрогать. А мне уже ничего не хочется. Только в душ и спать. Долго-предолго. Вот только вместо душа получился дождь...

– Дождь – это отлично. Тут, в Австралии, бывают такие страшные засухи! – постаралась поддержать собеседницу Кристина.

– Наверное, я когда-то тоже буду радоваться австралийскому дождю, – женщина с трудом сдерживала слезы.

– Меня зовут Кристина, а вас?

– Лина. Лина Эдгертон.

– Ну что, Лина, поедете? Отдохнете немного, и будем искать вашего мужа.

– Почему вы мне помогаете? – с легким раздражением в голосе спросила Лина.

– Не знаю... – Кристина задумалась. – Девочку вашу жалко. У меня мать тоже вышла замуж за австралийца. Но поехала к нему одна. Без меня. Знаете, как я на нее обижалась? Даже сейчас еще остался горький осадок. Но, глядя на вас, начинаю ее понимать.

– Вот, мама, я же говорила! – послышался сзади восторженный возглас Елены. – Я хотела, чтобы тетя вернулась, и она вернулась. А ты говорила, что палочка ненастоящая. Настоящая! Просто я как-то не так ей махнула. Но обязательно научусь. Вот увидишь!

– Тише, Леночка, – кончиками губ улыбнулась Лина, – конечно же, палочка настоящая. Ну что – подождем еще или поедем в гостиницу?

– А кенгуру?

– Кенгуру?... – спросила Лина и замолчала.

– Будет тебе кенгуру, – ответила за нее Кристина. – Поешь, поспишь – и будет.

– Хорошо, – уверенно сказала девочка и, что-то пробурчав под нос, потихоньку взмахнула палочкой.

К увеличению числа пассажиров водитель такси отнесся благосклонно. Невзирая на дождь, вышел из машины и помог Лине уложить чемодан в багажник. Попытался что-то у нее спросить, но женщина лишь проговорила смущенно: «Нот андестенд».

«Как можно ехать в чужую страну, не зная языка?» – подумала Кристина, и Лина будто услышала ее мысли.

– У меня со школы какой-то лингвистический кретинизм. По английскому с двойки на тройку перебивалась. Никогда не думала, что он мне понадобится. Муж оплатил специальные курсы, денег не пожалел, а толку никакого.

А Кристине почему-то казалось, что никакого мужа нет. Каким же нужно быть подлецом, чтобы не встретить женщину, приехавшую с ребенком и совершенно не владеющую языком! Хотя, если учесть, что больше ста лет Англия отправляла в Австралию осужденных на каторжные работы, гены у нынешнего населения изрядно подпорчены. Видно, бедной Лине достался подобный экземпляр. А ведь как красиво звучит: Арнольд Эдгертон!

До отеля добрались очень быстро – минут за пятнадцать. Снаружи он не представлял ничего выдающегося – стеклянная башня, близнецов которой можно встретить в любом более-менее крупном городе мира. Но стоило перешагнуть порог, как путешественницы попали в атмосферу такого искреннего дружелюбия, приветливости и внимания, что казалось, тут не обошлось без Леночкиной волшебной палочки. Даже деревья в кадках, украшающие холл, будто улыбались гостям. Фамилия «Эдгертон» еще больше усилила эффект, и Кристина, всю дорогу сомневавшаяся, «а был ли мальчик?», то есть так некстати пропавший мистер Эдгертон, поверила – был. А вид номера, забронированного им для жены и дочери, рассеял последние сомнения. Двухкомнатный, в молочно-шоколадных тонах, он буквально утопал в розах. Нежно-розовые, белые, огненно-красные и пурпурные, в настольных и напольных вазах, они были повсюду. И даже в ванной на небольшом столике стоял букет, перевитый атласными лентами.

– Ух ты ж! – восхищенно прошептала Леночка, а Лина застыла посреди комнаты, глядя на что-то, расположенное за огромным, во всю стену, окном. А потом опустилась на диван цвета кофе с молоком и заплакала.

– Мама, мама! – Леночка плюхнулась рядом и стала тереться макушкой о матеино плечо, словно котенок, который просит ласки.

– Не стоит отчаиваться, – Кристина присела на объемный мягкий подлокотник дивана. – Мало ли что могло случиться. Я уверена, скоро ваш муж появится и все будет хорошо.

Хотелось попрощаться и отправиться в свой отель, чтобы как минимум смыть с себя дорожную усталость, но она не могла бросить плачущую соотечественницу.

– А вдруг не появится? – всхлипнула Лина.

– Ну, тогда я помогу вам вернуться домой.

– Домой?...

Она вздохнула так горестно, что Кристине стало ясно: не все так гладко в датском королевстве. Ехать домой Лине совсем не хочется.

В комнате воцарилось тягостное молчание. Кристина встала, подошла к окну. Перед ней раскинулась Сиднейская гавань, слева поднимал к небу арки знаменитый мост, справа ветер раздувал паруса здания оперного театра. Кристина приоткрыла окно, и в комнату ворвался ветер, смешанный с каплями дождя и океана. Разметал занавески, пролистал рекламный буклет на столе.

– Закрыть? – спросила Кристина, обернувшись к Лине. Та не ответила, лишь горестно покачала головой.

У Леночки вид был совсем уставший – сказались длительный перелет и разница во времени. Крылья уныло поникли, забытая волшебная палочка грозила вот-вот упасть на пол, да и сам ребенок с посоловевшими глазами собирался последовать за ней.

– Лену, наверное, надо покормить и уложить спать? – спросила Кристина.

– Что? – всхлипнула Лина, возвращаясь из мира печали. – Покормить?

Предчувствуя очередной водопад слез, вызванный отсутствием средств для пропитания, Кристина вызвалась сходить на ресепшен, чтобы уточнить, где можно покормить ребенка.

Доброжелательная администратор с нашивкой «Элен Саксон» на безукоризненно сидящем форменном пиджаке и шелковым платком на шее сообщила, что мистер Эдгертон заказал обед. Можно спуститься в ресторан, а можно поесть в номере. Решив, что опухшей от слез Лине не до ресторанов, да и засыпающему ребенку уже достаточно австралийских впечатлений, Кристина выбрала обед в номере. Говорила Элен Саксон медленно, отчетливо, так что Кристине не составило труда понять ее. Выйдя из лифта на своем этаже, она встретила горничную, которая поинтересовалась, когда можно будет принести в номер детскую кроватку. Предусмотрительный Арнольд Эдгертон нравился Кристине все больше. Остается надеяться, что его непонятное отсутствие – просто досадное недоразумение. С минуты на минуту он появится, заключит в объятия свое семейство и освободит Кристину от добровольно взятой на себя обузы.

Глава 4

Подъезжая к ветеринарной клинике «Пес и кот», Тимур обратил внимание на невысокого молодого человека в темно-синей куртке с торчащими из-под капюшона светло-русыми вихрами. Тимур, ни разу не видевший Федора Лебедева, готов был голову дать на отсечение, что это он и есть. Несмотря на довольно объемный рюкзак за плечами, молодой человек пританцовывал на месте то ли от холода, то ли от нетерпения. Скорее от нетерпения, потому что, заметив вылезавшего из автомобиля Рыбака, он завопил:

– Ну что так долго! – и Тимур понял, что не ошибся.

На ходу представив Федора Асе и Молчанову, Рыбак направился к клинике. Следом шла Ася, ведя на кожаном поясе от Кристининой дубленки пса, Молчанов с Лебедевым замыкали шествие. Администратор на ресепшен, может, и удивилась такому большому количеству сопровождающих на одну собаку, но виду не подавала. Уточнив у посетителей цель визита, она кивнула и коротко сказала:

– Пятый кабинет.

Коридор ветеринарной клиники был пуст, и лишь возле одного из кабинетов на стуле сидела девушка с белоснежным шпиком на руках. При виде собрата шпик залился истеричным лаем, но пес даже ухом не повел. Прошел мимо, не удостоив нарушителя спокойствия взглядом.

– Вот она, порода, – заметил Лебедев.

«Или воспитание», – мысленно добавил Тимур.

В пятом кабинете их встретила девушка по имени Ольга Олеговна (во всяком случае, так было написано у нее на бейджике). На вид Ольге Олеговне было лет семнадцать, и она сурово сдвигала брови к переносице, чтобы казаться старше.

– Вы на чипирование? – спросила Ольга Олеговна и, не дождавшись ответа, одобрила: – Это правильное решение. Теперь, если собака потеряется, вы всегда сможете ее найти. Процедура для животного абсолютно безболезненная, при введении под кожу чип обрастает подкожным жиром и фиксируется на одном месте. Благодаря тому, что мы используем только сертифицированные микрочипы, они не приходят в негодность и служат в течение всей жизни собаки. А еще они позволяют считывать информацию на расстоянии и даже под водой.

– Ага, это особенно актуально, – хмыкнул Лебедев.

Ольга Олеговна, до этого говорившая четко, слегка монотонно, будто читавшая наизусть заученный доклад, запнулась:

– Что вы сказали? – Девушка впервые обратила внимание на Федора. До этого она обращалась преимущественно к Тимуру и изредка к Асе.

– Я сказал, под водой – это здорово. Где у вас тут бассейн? Мы именно с целью прочесть чип пришли. И хочется в бассейне.

– Прочитать? – С Ольги Олеговны слетела вся серьезность. Она смущенно посмотрела на Тимура.

– Да, – подтвердил тот. – Дело в том, что собаку эту мы нашли и теперь разыскиваем ее хозяина. Это же возможно?

– Возможно, – неуверенно сказала Ольга. – Вооб – ще-то...

– Не тяните пса за хвост, – вмешался в разговор Лебедев. – Есть у вас сканер?

При этих словах девушка заметно занервничала, и Тимуру захотелось дать невоспитанному программисту в лоб.

– Есть, – поборов волнение, Ольга взяла со стола прибор, – сейчас.

Она шагнула к псу. Штука в руках у девушки ему, очевидно, не понравилась. Скосив глаза, он следил за движениями Ольги, готовый в любой момент принять меры по защите собственной персоны.

– Вы же сказали, что на расстоянии можно прочитать, – язвительно заметил Лебедев, от которого не укрылась реакция пса.

– Федор, будь любезен, заткнись, пожалуйста, – с угрозой в голосе прошипел Рыбак.

– А я что? Вы же прослушали рекламный ролик: на расстоянии, под водой...

Тем временем Ольга поднесла сканер к голове собаки.

Глядя на ее неуверенные движения, Тимур понял, что опыта в подобных действиях у нее нет, к тому же девушка не верит в успех.

– Понимаете, этот способ идентификации у нас еще не очень широко применяется, поэтому, – она провела сканером над холкой животного, просканировала спину, – я бы не рассчитывала на положительный результат. И потом, в России не существует единой базы... Около десяти списков... Одно дело наши городские собаки... И чип может выйти из строя. И... – сканер пронзительно пискнул.

– Есть! – радостно вскрикнул Федор.

Однако Ольга его радости не разделяла.

– Сейчас попробуем, – сев за компьютер, она занялась поиском.

Поиск затягивался. Федор несколько раз порывался отодвинуть девушку и завладеть клавиатурой. Рыбак, которого чересчур эксцентричное поведение Лебедева уже изрядно утомило, предложил ему выйти прогуляться. Федор только собрался ответить, и тут девушка неуверенно произнесла:

– Я, кажется, нашла. Сейчас. Вот: питомник Primo, Милан, Джозеф Порто Дель Пуэнто.

– Это кто такой? Хозяин? – спросил Тимур и вдруг краем глаза увидел, как настороженно дернулось ухо пса. – Это ты? – Тимур присел на корточки перед животным. – Тебя зовут Джозеф Порто Дель Пуэнто?

Ухо не двигалось.

– Во всяком случае, этот чип был поставлен именно собаке с таким именем, – уверенно сказала девушка. – Думаю, у него было какое-то домашнее имя, например, Джо или Джон.

– Значит, тебя зовут Джон? – спросила Ася.

Пес поднял голову и посмотрел на нее длинным грустным взглядом.

– Точно Джон. Отличное имя! – обрадовалась Ася.

– Ну и что нам это дает? – сам у себя спросил Рыбак.

– Понятно что! – заявил Лебедев. – Мы с вами, Иван Станиславович, отправляемся в Италию.

– Это еще зачем? – поинтересовался Рыбак.

– Ну как зачем? Найдем питомник, узнаем, кому продали собаку...

– С этим я и без тебя разберусь. Спрашивается, зачем ты мне в Италии? Назови хотя бы одну причину. Уж если на то пошло, я бы лучше с Асей поехал, – сказал Рыбак, и Ася раскраснелась от удовольствия.

– Она останется с Джоном, – возразил Лебедев. – Не женское это дело – заниматься поисками. К тому же я инфу в Сеть заброшу, народ будет звонить, приходить...

– Еще не хватало, чтобы приходили! – возмутился Иван, живо представив в Асиной квартире толпы желающих посочувствовать потерянной собачке и помочь найти хозяина. Во время работы в милиции он сталкивался с категорией доброхотов, считающих своим долгом позвонить по объявлениям о поисках очевидцев и пропавших граждан, а то и лично посетить близлежащее отделение. И пусть нужной информацией они не владели, но знали тысячу и одну историю, в которые обязательно нужно было посвятить сотрудников милиции.

– Может, хватит препираться? Мы Ольге Олеговне мешаем работать, – предпринял попытку затушить разгорающийся огонь спора Тимур.

– Что вы! – живо возразила Ольга. – Совсем даже не мешаете. Наоборот, мне очень интересно, найдете вы хозяина собаки или нет.

– А вы дайте телефончик, – хитро улыбнулся Лебедев, – я, если что, позвоню.

– Конечно, – девушка смутилась и, записав телефон на листке с логотипом клиники, протянула его Федору: – Позвоните, пожалуйста.

Тимур мысленно усмехнулся – ему понравилась ловкость, с которой Лебедев заполучил номер.

А Ивану было совсем не весело. Ну не придурок этот Лебедев? В Италию он, видите ли, собрался. Легко сказать! А на какие шиши он, Иван Рыбак, поедет в эту самую Италию? Как-то не очень удачно стартовала новая фирма. Понятно, что сразу чего-то ожидать бессмысленно, но одно дело, если бы хозяин искал собаку. Можно было бы хоть на что-то рассчитывать. А получается, что заказчик у них – собака. Лицо без какого-либо имущественного и процессуального статуса. Пусть породистая, пусть дорогая, но абсолютно без денег. Если хозяин не отыщется, то пес останется у них. В маленькой Асиной квартирке. От этой мысли Ивана прямо передернуло. Ну зачем им такая здоровая собака! Она же полквартиры займет. И Ася будет вокруг нее суетиться... От этой мысли стало совсем тошно. «Уж не ревную ли я?» – подумал Иван и подвел итог грустным мыслям: выход один – рыть землю в поисках хозяина.

Погрузившись в раздумья, он немного замешкался, а когда опомнился, Аси с Тимуром и Лебедевым в кабинете уже не было. Он догнал их возле входа, где они рассматривали многочисленные поводки, намордники, шлейки и прочую амуницию для животных. По совету администратора, выполнявшей одновременно роль продавца, они купили рулетку с брезентовым поводком для выгула и короткий поводок-водилку.

– Ну и какие у нас теперь планы? – спросил Тимур, когда все, включая Лебедева, загрузились в машину.

– Я считаю, нужно напечатать объявления и развесить их в парке, – сказала Ася.

– Может, нужно поискать в Интернете информацию об этом итальянском питомнике – адреса, телефоны? – предложил Рыбак.

– Отлично, – кивнул Лебедев. – Предлагаю отправиться ко мне, благо совсем рядом. У меня и комп есть, и принтер.

– Надо бы Джона покормить, – сказала Ася.

– Я бы сильно не рассчитывал на Италию, – заметил Рыбак, оставаясь на своей волне. – Собака явно местная. Думаю, можно попробовать узнать, не обращался ли кто-нибудь в полицию по поводу пропажи собаки, это раз. И два – не находили ли в парке или рядом с ним труп.

– Ты думаешь... – Ася поежилась.

– Не исключаю.

– Как у вас все сложно, Иван Станиславович! – возмутился Лебедев. – Сразу о самом плохом думаете. А что, если у Джона просто сработал основной инстинкт? Взял и ломанул за, извините за выражение, собакой женского рода...

– Джон, по всему видно, парень воспитанный, не будет он так с хозяином поступать, – включился в разговор Молчанов.

– Думаете? – парировал Лебедев. – Не стоит ставить на одну чашку весов врожденные инстинкты, а на другую – приобретенные правила хорошего тона.

Тимур спорить не стал.

– Считаю, что все версии имеют право на жизнь, – сказал он, поворачивая ключ в замке зажигания, и, обращаясь к Лебедеву, спросил: – Куда ехать?

* * *

Ужин, заказанный мистером Эдгертоном, был под стать гостиничному номеру. Бутылка шампанского, которая так и осталась стоять в серебряном ведре, сочные стейки, морепродукты, зелень, клубника, бананы. Леночка облюбовала блюдо с нарезанным кубиком ананасом, а Лина с меланхоличным видом клевала виноград. Обстановка была настолько гнетущей, что Кристина быстренько проглотила стейк и, сообщив, что хочет немного прогуляться, направилась к двери.

– Ты же вернешься? – В голосе Лины было столько грусти пополам со страхом, что у Кристины перехватило горло, и она смогла только кивнуть в ответ. – У нас номер заказан на двоих взрослых и ребенка, поэтому никто не будет возражать, если...

В холле гостиницы было пусто, лишь Элен Саксон восседала за администраторской стойкой.

При виде Кристины она заулыбалась.

– Мадам понравился ужин?

– Да, все было просто замечательно, – поблагодарила Кристина. – Скажите, пожалуйста, где здесь можно посмотреть кенгуру? Я обещала ребенку.

– О, конечно, тут совсем недалеко есть отличный зоопарк. Всего пятнадцать минут на пароме – и вы на месте. Кстати, с парома отличный вид на Опера-хауз и мост Харбор-Бридж. По мосту есть отдельная экскурсия, а можно просто погулять, совершенно бесплатно. А если вы любитель экстрима... – последнее слово Саксон выговорила с явным неодобрением, и Кристина поспешила ее уверить, что она и экстрим – вещи абсолютно несовместимые. Ей показалось, что Саксон вздохнула с облегчением. – Так вот, – продолжала администратор после мимолетной паузы, – для экстремалов существует экскурсия на самый верх моста.

Кристина вспомнила вздымающиеся в небо арки, после чего представила, как карабкается по ним вверх. А рядом Лина в королевском платье и Леночка с крыльями и волшебной палочкой. Еще то зрелище.

Заметив ее улыбку, Саксон сказала:

– Вы не подумайте, всем участникам экскурсии выдают специальную одежду и альпинистское снаряжение.

– И много желающих?

– Хватает, – Саксон поджала губы. Она явно не одобряла такое безрассудство своих клиентов.

– Обязательно поднимитесь на Сиднейскую башню, лучше всего вечером – и народу поменьше, и вид просто сногсшибательный. А еще, если есть время, закажите тур в Голубые горы и парк животных. Уверена, ваша девочка будет в восторге. Кстати, билет на нее купить не нужно.

Уверив доброжелательную администраторшу, что они обязательно последуют ее рекомендациям, Кристина направилась к выходу.

– Вы собираетесь гулять одна вечером? – остановила ее миссис Саксон.

– Пройдусь немного, – Кристина улыбнулась, – очень хочется подышать настоящим австралийским воздухом.

– Да, у нас особый воздух, – Саксон понимающе кивнула, тронула узел платка на шее.

Стеклянные двери разъехались, выпуская Кристину в австралийский вечер. Мягкий, приятно прохладный, он будто принял ее в свои объятия. Она шла по улице в сторону гавани и улыбалась Австралии, а Австралия дарила ей улыбки встречных прохожих.

В отель она вернулась за полночь. В номере царил полумрак, нарушаемый лишь ночником возле детской кровати. Лина спала на диване, предоставив Кристине супружеское ложе.

Прихватив со столика с остатками ужина яблоко, Кристина тихо проскользнула в спальню. Здесь все было предусмотрено для счастливого семейного отдыха: большая кровать, лежа на которой можно любоваться океаном, и ванная комната с набором всевозможных средств в одноразовых упаковках с логотипом отеля, белыми тапочками и белыми же велюровыми халатами. Только сейчас Кристина почувствовала, как она устала за этот бесконечный день. Попытка смыть усталость с помощью душа не удалась. Из всех желаний осталось одно – провалиться в сон, и как можно глубже. Но стоило коснуться головой подушки, как какой-то звук, тревожный и еле уловимый, разбудил засыпающий слух. Приподняв голову, Кристина вслушалась в ночные звуки. Тихая музыка, доносящаяся откуда-то снизу... Не то. Приглушенный разговор в коридоре, стук закрывающейся двери. Не то. И вдруг – тихий всхлип почти рядом. И еще один. Лина? Третий всхлип развеял сомнения – в соседней комнате тихо плачет девушка, которую Кристина встретила в аэропорту. И что тут будешь делать? Как там в моцартовской колыбельной? Что там за шум за стенами? Что нам за дело, родной? Глазки скорее сомкни... Легко сказать – сомкни. А если не получается?

Натянув халат, Кристина вышла в соседнюю комнату.

– Лина?

Девушка молчала.

– Да ладно, я же знаю, что ты не спишь!

– Не сплю, – горестно вздохнула Лина.

– Давай рассказывай. – Кристина подтащила к дивану кресло и устроилась в нем поудобнее. – Хотя нет, не так. – Она пододвинула столик с остатками ужина, вытащила из ведерка, где вместо льда давно уже плескалась вода, бутылку с шампанским, наполнила бокалы и протянула один Лине. – Вот теперь – рассказывай.

– Да что рассказывать?... – Лина задумалась.

– Все, что хочешь, – сказала Кристина, – главное – рассказывай.

* * *

Всем своим жизненным неудачам Лина нашла простое объяснение. Виновато имя, данное ей при рождении матерью. Ну как, скажите на милость, могло зародиться в голове простой сельской девушки, никогда не уезжавшей дальше районного центра, нелепое имечко Каролина? Как результат – кличка Корова, прилепившаяся к дочери с самого детства. Корова, Муму и пренебрежительно сморщенный нос, намекающий на исходящий от девочки запах коровьего навоза. Маленькая ростом, крепко сбитая, Лина ужасно комплексовала по этому поводу. Наотрез отказалась от материнских пирогов, ежедневно перед школой мылась под душем. Но все старания были тщетны. Стоило ей ступить на школьное крыльцо, как за спиной обязательно кто-то начинал реготать: «Корова пришла, молочка принесла». Лина с нетерпением ожидала окончания школы, чтобы сбежать из ненавистой деревни. Вот только куда? Трезво оценивая финансовые возможности матери, она понимала, что шансы на счастливое будущее у нее невелики. Единственное учебное заведение, куда она сможет поступить, – медицинское училище в расположенном поблизости Андреевске. Жить можно в общежитии и попутно работать в районной больнице санитаркой. Зарплата, конечно, копеечная, но на еду хватит. А с остальным можно повременить. Три года пролетят быстро, зато потом можно устроиться работать на «Скорую» или в поликлинику. В школу, детский сад, да мало ли куда? В том, что в конце концов ей обязательно повезет, Лина не сомневалась. Главное – поступить, причем обязательно на бюджет. А конкурс там – ого-го! Таких, как Лина, пруд пруди. И Лина с головой погрузилась в учебу, благо дурацкое имя отбило у нее желание посещать места, где проводила свободное время сельская молодежь. Хватило пары раз. Из всех школьных предметов ей не давался

только английский. Но преградой для поставленной цели это не являлось, и Лина особенно не заморачивалась иностранной грамматикой.

Но когда после окончания девятого класса настало время решительных действий, Лина испугалась. А вдруг ее, пятнадцатилетнюю, не возьмут на работу? На что она будет жить? Посоветоваться было не с кем. Промаявшись две недели, она съездила в Андреевск и выяснила, что поступать вполне можно после десятого и даже после одиннадцатого класса. Весной мать сломала руку, и все заботы по дому и огороду легли на плечи Лины. «В следующем году я обязательно уеду, что бы ни случилось», – пообещала она себе.

Год пролетел быстро. На выпускной Лина твердо решила не ходить. Не хотелось. Да и надеть нечего. Можно было, конечно, съездить в район, походить по магазинам. А нет, так купить ткани и попросить соседку тетю Полину сшить что-нибудь праздничное. Но зачем? Чтобы нарваться на пренебрежительное: «Корова! Фу-у!» Но у матери на этот счет были свои соображения. За неделю до выпускного, в воскресенье, с самого утра, она отправилась в Андреевск, а вернувшись, сунула в руки выбежавшей на крыльцо дочери пакет:

– Держи! Это тебе.

Обычно мать привозила из райцентра неподъемные баулы – не ездить же каждый день за мелочовкой. Не по росту сильная Лина помогала втащить сумки на кухню, разложить покупки по местам и напоить вымотанную дорогой мать чаем с вареньем. А тут приехала с почти пустыми руками, вид какой-то необычный.

– Мне? – недоверчиво переспросила Лина.

– Ну не мне же! – передразнила мать. – Доставай. Смотри. Назад не повезу. Если что – Полинку попросим подогнать. Да куда в кухню тащишь, дурында! В гостиную иди! Сейчас руки помою...

На ходу развернувшись и ни грамма не обидевшись на «дурынду», Лина понеслась в комнату. Поставила пакет на стол. Прислушалась к шуму воды в кухне. И не стала ждать. По одному извлекла на свет платье из нежно-лилового шелка, коробку с бархатными туфельками на высоком каблуке в тон и ободок для волос с лилово-золотистой розой. У Лины даже в горле пересохло от такой красоты. У матери был свой критерий в выборе одежды – чтобы годилась и в пир, и в мир. Слова эти так часто повторялись в их доме, населенном двумя женщинами, матерью и дочерью, что смысл их стерся, как рисунок на застиранных простынях. Пир – еще понятно, Лина помнила картинку с длинными, заставленными снедью столами из книжки о царе Салтане: «Царь Салтан за пир честной...» А мир? Это как? Ответа не было.

Купленное матерью платье для пира не годилось – не ты заляпаешь, так на тебя что-нибудь уронят. Оставался мир.

Дрожащими от волнения руками Лина надела платье. Непривычно мягкая струящаяся ткань обняла и развернула поникшие плечи, подчеркнув робкую грудь и тонкую талию, закрутилась вокруг ног. Сунув ступни в туфли, Лина подошла к зеркалу. Стащила резинку с косы, распустила волосы, приподняла их ободком и застыла. Перед ней стояла незнакомая девушка с лучащимися счастьем глазами, в которых отражался весь мир, ликующий и радостный. Лина крутнулась в одну сторону, затем в другую, платье разлеталось крыльями бабочки, а затем мягкой кошкой льнуло к ногам. Странное дело – воздушное, практически невесомое платье создавало чувство уверенности в себе и прямо какой-то отчаянной неуязвимости, словно рыцарская кольчуга.

– Ма?

На секунду охватило сомнение – мать любит ее, вон какое шикарное платье купила, а она собирается сбежать. Как последняя...

Додумать не успела. Мать зашла в комнату, на ходу вытирая руки полотенцем. Большие обветренные руки потерявшим от многочисленных стирок цвет и форму полотенцем.

– Ну что? Как раз? Я боялась, что длинно будет. А вроде и ничего. Будешь чуток подол приподнимать, когда по ступенькам спускаться. И сойдет. Я и не думала, что ты у меня такая сисястая. Надо было лифчик купить.

И счастье ушло вместе с уверенностью и неуязвимостью. «Сисястая» – Лина ссутулилась, стянула с головы ободок и пошла в свою комнату. Вернулась, заплетая на ходу косу, уже в привычной юбке и толстовке – и в пир, и в мир.

– Ладно, не бери в голову. Туфли дома поноси, а то с непривычки каблук переломаешь. Попрошу Зинку, чтобы тебе какую-нибудь прическу сварганила. А то ходишь распустехой. Пора уже о будущем задуматься.

Лина вскинула глаза на мать – о чем это она?

А та продолжала:

– В доме нужен мужик. Скоро восемнадцать, самая пора замуж. Девки в школе уже всюю невестятся, а ты... Эх! Ну что ты волком смотришь! Хоть бы спасибо сказала!

Лина не знала, что и сказать. Как-то не приняты у них были разговоры по душам. Сначала у матери, в одиночку поднимавшую дочь, не хватало на них времени, а потом, когда девочка из обузы превратилась в помощницу, сделала свое дело привычка. То есть отсутствие привычки делиться мыслями, потаенными и не очень. Незаметно выросшая дочь не хотела пускать в свою уже порядком устоявшуюся жизнь мать. По этой-то причине та не знала о планах дочери, а дочь впервые услышала, о каком будущем для нее мечтает мать.

– Мам, я... – Лина запнулась – ну как сейчас сказать о своих планах? К стыду своему, она только сейчас поняла, что матери в них места нет. Нужно было что-то сказать, но момент был упущен. Мать развернулась и вышла из комнаты, унося с собой невысказанные упреки. Маленький росток доверия и взаимопонимания увял, едва успев проклюнуться.

На выпускной Лина все-таки пошла. Соседка Зинаида, окончившая парикмахерские курсы, долго билась над ее прической, а потом попросту уложила волосы сзади вокруг ободка пышным валиком и закрепила шпильками.

– Это греческая прическа, – сказала она, оглядывая свое творение. – Очень даже неплохо. Ты, Каролинка, просто красотулечка. Еще бы росту добавить сантиметров двадцать – и на подиум.

– Ага, на подиум, – хмыкнула Лина, но хмыкнула скорее для проформы – увиденное в зеркале ей нравилось. А уж когда к прическе присоединилось платье с туфельками... «Я всегда буду носить такие красивые платья», – пообещала она своему отражению.

Фурора ее появление на выпускном не произвело. На балу была своя королева – Милка Никифорова. Высокая, крепкая, с крупными белыми зубами, которые она с удовольствием демонстрировала, улыбаясь и слегка запрокидывая голову назад. При этом на щеках ее появлялись зазорные ямочки. У Милки было еще одно неотразимое оружие – ямочки на ногах, сзади, чуть выше коленок. Позже, уже в училище, Лина узнала, что ямочки эти – страшный бич женщин под названием «целлюлит». Но тогда, в школе, они не слышали такого слова. Мальчишки млели, глядя на никифоровские ямочки, а девчонки завидовали.

Когда, чувствуя себя немножко Золушкой, Лина вошла в школьный зал, потенциальные «принцы» лишь на пару мгновений уделили ей внимание, а потом, подобно подсолнухам, снова обратили головы к своей блистательной королеве. Платье у Милки, нежно-абрикосовое, с открытыми плечами и неизменно короткой юбкой, было красивым, хотя и не таким роскошным, как у Лины, а на ногах – простецкие балетки без каблучков. Но что-то было в ней неумовимо притягательное, причем не только для мальчишек. Лине очень хотелось дружить с Никифоровой, но желание свое она задвинула подальше, в самые потаенные закутки души, и поэтому чрезвычайно обрадовалась, когда в перерыве между сладким столом, организованным родительским комитетом, и танцами, когда мальчишки торопливо растаскивали по углам

столы и дерматиновые стулья, оставшаяся без поклонников Милка подошла к ней и предложила:

– Курнем, что ли?

Лина не курила, даже не пробовала никогда, но отказаться не смогла. Зайдя за угол школьного здания, Никифорова привычным движением достала из бюстгальтера тонко-длинную пачку сигарет (и откуда только брала – в селе такие точно не продавались), протянула пачку Лине. Ну как тут не возьмешь? Тем более что к ним, на ходу доставая из кармана зажигалку, уже спешил Олег Видный – главный Милкин ухажер. Целиком оправдывая свою фамилию, он и впрямь был видным – высокий, атлетически сложенный, с вьющимися русыми волосами и глазами, от которых многие девчонки в классе теряли покой.

Мила затаилась и, запрокинув голову, выпустила дым в наливающееся вечерней синевой небо. Лина последовала ее примеру, закашлялась. Милка принялась колотить ее по спине.

– Что? Не пошло? А ты чего стоишь? – прикрикнула она на Видного. – Видишь – плохо человеку. Принеси запить!

Через несколько секунд запыхавшийся Видный сунул в руку Лины пластиковую бутылку без этикетки:

– Держи!

От кашля слезились глаза, Лина схватила бутылку. Жидкость обожгла и без того саднящее горло.

– Что это? – с трудом выдавила из себя Лина.

– Это компот, – с ухмылкой ответил Видный. – Смородиновый компотик.

– Придурок! Воды надо было принести! – крикнула Милка, и ухмылка мигом слетела с его лица.

– Мил, ну я же думал...

– Думал он! – осадил незадачливого ухажера Никифорова. – Иди отсюда, мы как-нибудь сами... Без сопливых!

Видный безропотно побрел прочь, а Милка потащила Лину к скамейке возле спортивной площадки.

– Посиди тут, – сказала она, присаживаясь на край и хлопая ладонью по нагревшемуся за день дереву, – а то лицо сильно заплаканное. Ты что, не курила никогда?

– Да... то есть нет, – Лина покачала головой.

– Сказала бы, я же не знала, – в голосе Милы слышалось явное сожаление.

– Ничего, нужно же когда-нибудь попробовать, – сказала Лина, тронутая этим сожалением.

– Я не думала, что ты такая, – заметила Мила, задумчиво накручивая локон на палец.

– Какая?

– Простая! Мне казалось, ты гордая, всех сторонисься... Жалко, что школа закончилась. Мы бы с тобой задали шороху... И куда ты теперь?

Лина вдруг поняла, что ей тоже жалко расставаться со школой. Для нее в этот вечер многое было вновь – и особенно неожиданное внимание королевы класса. Причем внимание это было искренним, не показным, не имеющим под собой никакой корыстной подоплеки – в этом Лина была абсолютно уверена. Не избалованную вниманием со стороны матери Лину тянуло к сидящей рядом однокласснице. Незаметно для себя она выложила все свои планы на будущее.

– Здорово, – сказала Никифорова, – хотя я бы не хотела работать в больнице. На врача мозгов не хватит, а горшки таскать... – она взяла у Лины бутылку, которую принес Видный, и глотнула темно-фиолетовой жидкости. Отерла губы тыльной стороной ладони и горько добавила: – Этого добра и здесь хватает. Принцессами нам с тобой точно не стать.

Не ожидавшая таких слов от королевы класса, Лина посмотрела на одноклассницу. По искусно наруганной щеке скользнула темная от туши слеза. Упала на грудь, образовав кляксу на нежно-абрикосовом шелке. Задрав голову кверху, Милка принялась энергично обмахивать глаза ладонями, бурча под нос: «Не хватало еще, чтобы глаза потекли».

– Посмотри, не размазались? – Она повернула лицо к Лине.

– Нормально, – кивнула Лина и, сама не зная почему, взяла у Милки бутылку.

Жидкость уже не обжигала. Приторно-сладкая, она действительно напоминала компот.

В школе грянула музыка.

– Побежали! – Милка вскочила и потянула Лину за руку. – Оторвемся напоследок.

Девчонок в классе было больше, чем парней, поэтому танцы были только быстрыми. Выпускники отплясывали с какой-то лихой неистовостью, передавая по кругу бутылку со смородиновой настойкой. Каждый раз, попадая в Линины руки, бутылка оказывалась почти полной. Неужели никто не пьет? Ну и пусть! Лина отпивала глоток, и от этого становилось еще веселее. В какой-то момент из греческой прически выпали шпильки, и ничем не сдерживаемые волосы разметались по плечам, вздымаясь упругой волной в такт музыки. Это было здорово!

Усталость подобралась незаметно. В какой-то момент Лина поняла, что нужно срочно присесть. В противном случае ноги подогнутся, и она упадет. Выйдя из зала, Лина с удовольствием окунулась в свежую прохладу летнего вечера. Стертые в кровь ступни болели так сильно, что она сняла туфли и остаток пути до скамейки у спортивной площадки прошла босиком. Аккуратно поставила туфли на скамейку, присела рядом. Посидела немножко, а потом прилегла, обещая самой себе: я только на минуточку, на минуточку...

Проснувшись она от холодной сырости. На востоке уже разгоралась заря. Кругом стояла тишина, такая глубокая, словно все кругом вымерло. Вытащив из-под головы туфли, Лина попыталась их надеть, но ступни отозвались такой резкой болью, что она отказалась от этой мысли и побрела домой босиком, заранее предчувствуя, как отнесется мать к ее столь позднему появлению.

Но дом встретил ее темными прямоугольниками окон – мать спала. Лина с облегчением вздохнула и тихо скользнула в ванную. Посмотрела на себя в зеркало и пришла в ужас. Вид такой, словно на обратном пути лошади понесли, Золушка на полном ходу вывалилась из кареты и к тому же, судя по темным пятнам на юбке, угодила в кучу навоза. Восхитительно-лиловое платье превратилось в тряпку. Такая даже для мытья пола не годится, потому что синтетическая ткань плохо впитывает воду.

Замочив платье в большом пластиковом тазу с трещиной на изумрудно-зеленом боку, Лина встала под душ, тщательно вымыла волосы, завернула их в полотенце и, накинув халат, направилась в свою комнату, замирая на каждой скрипнувшей половице.

– Что с платьем? – разбудил ее возмущенный голос матери.

– Все нормально, – пробормотала она, еще не проснувшись окончательно, – я сейчас постираю. Сок пролила.

– Сок? Ну-ну.

Скрипнула дверь в комнату, затем хлопнула входная дверь, и Лина поняла, что мать куда-то ушла. Села на кровати, ощущая неприятную боль и ломоту во всем теле – начиная от макушки и заканчивая кончиками пальцев. Да, повеселились на славу. Она откинула одеяло, посмотрела на свои многострадальные ноги. На пальцах – сбитые водянки. Чуть выше колена, с внутренней стороны бедра, – здоровенный синяк. «Упала я с этой скамейки, что ли?» – подумала Лина.

Для того чтобы встать с постели, пришлось сделать над собой изрядное усилие. Лина быстро выстирала платье, повесила на веревке под старым абрикосом – чтобы в тени, не на солнце, и одновременно на сквозняке. Авось высохнет до прихода матери. Села на крыльцо, поджав под себя коленки. Что же там случилось, на скамейке возле спортивной площадки?

Сколько ни вспоминала, на память приходила только душная темнота, из которой отчаянно хотелось вырваться. Словно в ночном кошмаре.

– Лина, привет! – У калитки стояла Милка. – Ты как? – И, не дождавшись ответа, потрясла руками с кошельком и хозяйственной сумкой. – Я в магазин. Хочешь, вместе пойдем?

Лина потрясла головой.

– Что, плохо? – сочувственно спросила Никифорова. Скрипнула калитка, и Милка, в три шага миновав двор, уселась рядом на крыльце.

– Мы тебя вчера искали. Хотела позвонить, да телефона твоего никто не знает. Я боялась, что тебе плохо станет. Как ни гляну, ты все хлобысь и хлобысь смородиновку словно воду. А она такая штука опасная.

– Опасная, – подтвердила Лина.

– Туфли хоть не потеряла?

– Нет, – во рту пересохло, и Лина встала, чтобы сходить в дом за водой.

– Ладно, я побегу, – Милка решила, что Лина таким образом хочет от нее отделаться. А у Лины не было сил ее остановить.

У калитки Милка столкнулась с возвращавшейся откуда-то матерью. Поздоровалась и, не дождавшись ответа, поспешила дальше. Лина заметила, что на ней те же самые балетки, что были вчера вечером. И в пир, и в мир.

– Зачем она приходила? – зло спросила мать. – Это ты с ней вчера кувыркалась?

– Почему кувыркалась?

– Потому что больше она ни к чему не приучена. Вся в мать беспутную. Та в шестнадцать лет родила, и эта, глядишь, вот-вот принесет.

– В шестнадцать? – переспросила Лина, не знакомая с этой стороной сельской жизни.

– Или в семнадцать, какая разница? И в кого превратилась! Да ты небось видела ее не раз – Семеновна!

Семеновна? Особой дружбы между жителями села не было – так, на уровне «здравствуйте», но Семеновну Лина знала. Изредка сталкивалась с ней в магазине. Рано состарившаяся, она никак не тянула на мать Милки Никифоровой. В лучшем случае – на бабушку...

– Чтоб ноги ее тут больше не было! – Мать не замечала, что кричит на всю улицу.

– Мама, давай в дом зайдем, – Лина поднялась, распахнула дверь. – И знаешь, – добавила она, когда мать, пройдя в комнату, тяжело опустилась на диван, – я уже взрослая и сама могу решать, кого выбирать в друзья. Тебя не понять – то хочешь, чтобы я поскорее вышла замуж, даже платье купила, то не водись с Милкой. Ты уж как-нибудь определись.

Мать не ответила. Она вообще перестала разговаривать с дочерью. Не замечала, будто той не было. Это молчание тревожило Лину. Ей столько нужно было обсудить с матерью, поговорить о своих планах, в конце концов, попросить денег на первые месяцы. Но слова будто цеплялись за маленькие крючки, выросшие внутри горла, и Лина тоже молчала.

Так же молча через три недели после выпускного она положила на стол аккуратно сложенное, выстиранное и отутюженное платье, рядом поставила вычищенные туфли, в один из которых засунула записку: «Мама, я уехала в Андреевск поступать в медицинское училище». Долго думала, как подписать – «до свиданья» или «прощай». Написала нейтральное: «Твоя дочь Каролина».

Первые дни были просто ужасными. В общежитии затеяли ремонт, и на всех абитуриентов мест не хватило. Лина оказалась в числе обделенных, и пришлось срочно решать вопрос крыши над головой. Маленькой суммы, собранной Линой, хватило на оплату комнаты во времянке. На экзамены – изложение и биологию – ходила пешком. Питалась в основном завариваемой кипятком вермишелью. Из желаний осталось только одно – поступить. И у нее получилось. В последний понедельник августа, отыскав свою фамилию в списках принятых, Лина почувствовала себя самым счастливым человеком на земле. Почти так же, как когда надела платье,

подаренное матерью. Захотелось поделиться с ней радостью, но денег оставалось в обрез, да и потом она не знала, придется ли матери по вкусу эта новость.

С началом занятий она поселилась в небольшой комнатке, где жили две студентки второго курса – Анюта и Лариса.

– Как-как, Каролина? – переспросила Лариса, когда Лина назвала свое имя. – А как мама тебя называла, чтобы короче?

– Лина? – наугад спросила Анюта, и Каролина согласно закивала: «Да, да, Лина».

Так она обрела новое имя, а с ним – абсолютно новую жизнь. Соседки по комнате помогли ей устроиться на работу ночной нянечкой в детский сад. Жизнь ускорилась, словно кадры в старом кино. Недели пролетали как один день. Лина как могла приспосабливалась к новым условиям. Единственное, к чему привыкала дольше всего, – к воде. Дома вода была из скважины, свежая, холодная. Откроешь кран, наклонишь голову и хватаешь струю губами. Брызги летят в лицо, и от этого хочется смеяться и чихать. Однажды Лариса, зайдя на кухню, увидела, как Лина пьет воду из-под крана.

– С ума сошла! – воскликнула она. – Отравиться хочешь?

И ведь как в воду глядела! Стоило Лине утром на ходу выпить полстаканчика чая, как ее тут же скрутил рвотный спазм. Еле добежала до туалета. Хорошо, что кругом пусть начинающие, но все-таки медики. Не дали умереть соседке. Но на следующий день все повторилось. Дней десять Лина промучилась, а потом организм привык, понял, что вода теперь будет только такая, и бунтовать перестал.

В октябре, когда осень позолотила верхушки кленов на аллее перед медучилищем, на перемене между парами Лину отыскала Милка Никифорова.

– Привет! – радостно закричала она, подбежала, обняла подругу. – Каролинка, какая ты стала!

– Какая? – удивилась Лина.

– Не знаю! Другая совсем, – Мила пробежалась взглядом по ее фигуре. – Деловая какая-то. И поправилась, что ли?

Лина пожала плечами. Конечно, если есть одни макароны, о стройной фигуре остается только мечтать.

– А ты здесь какими судьбами? – свернула она с неприятной темы.

– Я замуж выхожу, – Никифорова засияла. – За Видного!

– Поздравляю! – промолвила Лина.

– Да я бы, может, и не вышла, но такое дело. Закуришь? – Милка полезла в сумку и вытащила пачку сигарет. Судя по изрядно потрепанному виду, ту же самую, сигаретой из которой угощала Лину еще на выпускном.

– Нет, я не курю, – Лина энергично замотала головой.

– Я тоже бросила. Да и не курила, так, для понту, – Милка сунула пачку обратно в сумку. – Короче, замуж выхожу по залету. Я бы еще погуляла. Хотя мама говорит, что ранние дети – это хорошо.

Лина вспомнила изможденную, рано состарившуюся мать Никифоровой.

– Я вот чего хотела тебя попросить, – продолжала Милка, – походи со мной по магазинам. Хочу платье купить наподобие того, что у тебя на выпускном было, только, сама понимаешь, белое. И туфли. Мать плохо себя чувствует, жениху нельзя до свадьбы на невесту в платье смотреть – примета плохая. А наши девчонки от зависти могут чего плохого насоветовать. Поэтому я и решила тебя попросить. Поможешь? – Милка состроила жалобную гримаску.

Лина после ночного дежурства в детском саду очень хотела спать, но разве могла она отказать единственной подруге?

– А знаешь, Каролинка, давай ты будешь у меня свидетельницей? – спросила Милка, когда они, купив все необходимое, сидели на автостанции в ожидании автобуса.

Лина ужас как не хотела. Поездка никак не вписывалась в ее график, нужно было отпрашиваться с работы, потом как-то отрабатывать практику. А еще придется держать ответ перед матерью... Но она только обреченно кивнула:

– Хорошо.

– Здорово! – Милка порывисто чмокнула ее в щеку.

Лина несколько раз хотела позвонить Милке, придумывала достаточно веские причины для отказа и все-таки поехала.

– Ну ты раскабанела! – «поприветствовала» ее мать. – Ты, часом, не беременна?

Лина понимала, что в матери говорит обида, постаралась улыбнуться в ответ:

– Нет, мама, некогда глупостями заниматься. Учусь, работаю... Не до того. Я тебе немного денег привезла...

Денег было совсем мало, и, честно говоря, Лине и самой они были нужны. Она долго думала – отдавать их матери или нет, и все же решила отдать, в глубине души надеясь, что мать откажется. Мать не отказалась. Молча сосчитала, сложила купюры пополам и сунула за пазуху. Затем, все так же молча, вынула из шифоньера Лино платя с выпускного, вытащила туфли.

– Ну, гуляй!

На свадьбу Лина попала в первый раз, и почти единственным воспоминанием об этом торжественном событии осталась утренняя головная боль – за похищенную невесту пришлось выпить целый стакан вина.

Через две недели, на практике по сестринскому делу, Лина потеряла сознание. Очнувшись от резкого запаха нашатырного спирта.

– Ничего, – одобряюще улыбнулась преподаватель Инна Сергеевна, протирая ваткой с нашатырем виски девушки, – в твоём положении это бывает.

– В каком положении? – Лина приподнялась с пола, стараясь не обращать внимания на отчаянное головокружение.

– Как в каком? Ты разве не знаешь? Я давно заметила, – голова закружилась, в глазах потемнело, и Лина, боясь снова упасть, вцепилась в спинку стула. – Ты сядь, сядь. Девочки, что смотрите, дайте воды кто-нибудь, – обратилась Инна Сергеевна к притихшим одноклассницам. – Уже наверняка второй триместр.

– Нет, – Лина прикусила губу и замотала головой, – этого не может быть. Я никогда... ни с кем... понимаете?

– Понимаю, – Инна Сергеевна усмехнулась. – И такое бывает. Ты на всякий случай тест купи.

Тест покупать отчаянно не хотелось – денег и так ни на что не хватало. Но по дороге домой ноги сами занесли Лину в аптеку. А через полчаса она уже с недоверием барана, изучающего новые ворота, рассматривала две полоски, свидетельствующие о правоте Инны Сергеевны. Но ведь этого не может быть. Или может? Вдруг вспомнился выпускной, скамейка, душный ночной кошмар, грязное платье. Неужели она до такой степени набралась, что ничего не почувствовала? Ужас! Лина смотрела на полоски, а в голове сама собой складывалась история о безнадежно влюбленном в нее парне. Он ходил, пытался обратить на себя ее внимание. Наверное, как и Милка, думал, что она гордая. Боялся ее. А на выпускном увидел ее, такую нарядную, и не сдержался. Фантазии уносили девушку все дальше. Она представляла его, отца своего ребенка. Что он сейчас делает? Вспоминает о ней? Что будет, когда он узнает о ребенке? Лина попыталась представить эту сцену, но яркой картинкой не получилось. Все было укутано густой кисеей тумана. Высокий, очень высокий мужчина с букетом цветов, которые в деревне называли бульдонешами, – белоснежные шары на тоненьких веточках, – подошел к ней, обнял и выдохнул в макушку:

– Каролина, будь моей женой.

Вся следующая неделя была посвящена решению извечного вопроса всех времен и народов: что делать? Вариант аборта даже не рассматривался. Как можно оборвать единственную ниточку, связывающую ее с человеком, который ее любил? Сейчас Лина даже о матери думала с непривычной теплотой – ведь если бы не платье, ничего этого не было бы. И ребенка без помощи матери ей не поднять, как ни старайся. Лина, конечно, предприняла определенные шаги – до предела сократила расходы и взяла дополнительную подработку. Но денег все равно было катастрофически мало. Деньги, деньги, деньги! Все упиралось в них, а вернее, в их полное отсутствие.

На Новый год Лина поехала домой, к матери. Сдаваться. Долго обдумывала, как рассказать о своей беременности, тщательно составляла первую фразу, но слова не понадобились. Стоило ей стащить пальто, как по остановившемуся взгляду матери она поняла: слов не нужно.

– И кто отец? – спросила мать, садясь в кресло у окна.

– Мам, я... – растерялась Лина. Она как-то не подумала, что этот вопрос будет первым.

– Он собирается жениться?

– Я не знаю, – Лина замотала головой.

– А про ребенка ты ему хотя бы сообщила? Он с вашего училища? Живет с тобой в общежитии? Он женат?

Каждый вопрос – как пощечина. Лина молчала, лишь все ниже и ниже опускала голову.

– Ладно, я сама с ним поговорю. Не хочет жениться, так пусть хоть деньги дает на ребенка.

– Мама, – Лина подняла голову и твердо сказала: – Я не знаю, кто отец, – и повторила для уверенности: – Не знаю.

– Ты что, совсем дура? Как такое может быть?

– Мама, прости, я устала. Давай потом поговорим.

– Ну, нет уж! Раз начали, давай закончим. Я не позволю тебе еще и ребенка посадить на мою шею. Хватит того, что я тебя одна тащила столько лет. Думала – все, отстрелялась. Теперь можно и для себя пожить. Оказывается, нет. Эпопея продолжается. Только теперь уже в двойном размере. И главное, у меня никто ничего не спросил. Вот так запросто – на тебе, мама, внучка, нянчийся! А если я не хочу? Имею я право не хотеть? Ты хочешь ломать свою жизнь – на здоровье. А мою оставь мне!

Лина встала, медленно пошла к дверям.

– Ты куда? Я еще не закончила!

На ходу застегивая пальто, Лина открыла дверь. Морозный ветер бросил в лицо горсть снега.

– Куда ты попрешься? Автобусы не ходят!

У калитки Лина остановилась. Куда теперь? А что, если пойти туда, где все это началось? На скамейку возле школьной спортивной площадки?

Она шла по улице, заглядывая в ярко освещенные окна. Кое-где светились праздничным убранством елки. Некоторые развесили гирлянды на деревьях в саду. Мелькание разноцветных огней, мягко похрустывающий под ногами снег создавали сказочную атмосферу, предвкушение чудес. Вот сейчас она закроет глаза, а когда откроет...

В конце дороги показалась чья-то фигура. Полная, с оттопыренными в стороны руками и осторожно, неуклюже ступающими ногами. Лица не видно, но и по телосложению понятно – не принц. Фигура приблизилась, и Лина мысленно поправила себя: не принцесса. Потому что это была женщина. А еще через несколько шагов женщина взвизгнула и, позабыв об осторожности, бросилась к Лине.

– Каролинка! – это была Милка.

Охваченная радостью узнавания, Каролина попыталась удержать подругу, не справилась, и девушки с хохотом повалились на снег. Долго вставали, скользя и падая, потом поднимали друг друга, отряхивали и потихоньку осматривали.

– Ты, случайно, не того? – осторожно спросила Милка.

– Чего – того? – засмеялась Лина. – Хочешь спросить, не сошла ли я с ума?

– Точно! Только сумасшедший разгуливает ночью по морозу.

– Значит, мы с тобой, Никифорова, обе сумасшедшие, – Лина засмеялась, чмокнула Милку в щеку.

Эта версия нравилась ей больше, чем рассказ о матери, вышвырнувшей ее за дверь, словно нашкодившего кота. Хотя, если быть справедливой, никто ее за дверь не вышвыривал, она сама...

– Я хотела спросить, не беременная ты? – решила расставить точки над «i» Милка. – Я – да, а ты? Уж очень ты смахиваешь на изрядно беременную.

– Беременная, – тихо сказала Лина, готовясь к повторению шквала вопросов об отце ребенка.

Но Милку интересовало другое.

– И когда рожать? – спросила она, внимательно разглядывая Лину, словно в глаза у нее был вмонтирован аппарат УЗИ.

– В конце марта!

– Здорово! Каролинка! Вот здорово! А у меня в начале апреля! Может, вместе родим. Будем вместе в колясках катать! Представляешь, как здорово!

Говорила она слишком громко, и веселье казалось Лине несколько нарочитым. Нет, конечно же, Милка искренне радовалась встрече, но что-то омрачало эту радость.

– Ты куда сейчас? – спросила Милка.

– Не знаю, просто гуляю.

– Знаешь, пошли ко мне. Чаю попьем. Все лучше, чем снег топтать.

– А Олег что скажет? – осторожно поинтересовалась Лина.

– Видный, что ли? Так мы не к нему, к мамке моей. Задрал меня этот Видный, и, похоже, окончательно.

– Подожди, вы что, поссорились? – Лина остановилась, взяла подругу за рукав, вопросительно заглянула в глаза.

– Не обращай внимания. Это не в первый и не в последний раз. Знаешь, что лучшее в отношениях с парнем?

– Что?

Милка освободила руку из Лининых пальцев и медленно побрела по дороге, роняя на ходу:

– Самое лучшее – это первый поцелуй. А потом начинается муть голубая: отношения, секс, свадьба, дети, носки, жратва... – она остановилась, запрокинула лицо к небу и жалобно завывала:

– У-у-у-у! Ненавижу-у-у-у!

И пошла дальше так быстро, что Лина едва поспевала за ней.

– Мил, может, не надо так, сгоряча? Завтра по-другому посмотришь на все это, – задыхаясь от быстрой ходьбы, крикнула в спину подруги Лина и остановилась, пытаясь отдышаться.

– Если бы ты знала, сколько было таких завтраков! – Милка обернулась, увидела, что подруга безнадежно отстала, и потопала назад. – Каждый раз уговариваю себя как дура. А теперь точно решила: с Нового года начинаю новую жизнь. Лучше никакого мужа, чем такой.

– А ребенок? Он же тоже имеет право решать! – привела последний довод Лина.

– Вырастет и решит. Захочет жить с отцом – отпущу. Если он к тому времени не сопьется окончательно.

– Постой, он что – пьет? Я не думала...

– Так и я не думала. А он как начал на свадьбе, так со стакана и не слезает. Хорошо хоть ребенка по трезвому сделали, а то получился бы урод.

От последней фразы у Лины по спине побежали мурашки. По трезвому! А у нее все с точностью до наоборот.

Кто точно выпил, так это Милкина мать.

– Девчонки, привет! – радостно приветствовала она дочь и Лину. – Что, не сидится у мужа под боком? А это кто у нас такой? – Пальцы Никифоровой-старшей принялись расстегивать Лино пальто. – Признавайтесь, замерзли? Может, по рюмочке?

– Мама, – с укором оборвала мать Милка, – ну сколько можно!

– Да я совсем чуть-чуть, – женщина улыбнулась. – Чуть-чуть не считается. Правда, детка? Тебя как зовут?

– Лина.

– А меня Галина. Можешь называть меня тетя Галя. Смотри, как здорово: Лина – Галина. Прямо стихи?

– Лина? – переспросила Милка.

– Это девчонки в училище так придумали, – объяснила Лина, – а мне нравится. Лучше, чем Каролина.

– Здорово! Я тебя тоже буду так называть – Лина. Хорошо?

Потом они пили чай с вареньем и булками. Довольно вкусными булками.

– А ты сама откуда, Лина?

– Мам, я же тебе говорила, – поспешила ответить Милка. – Лина в Андреевске учится, в медицинском училище.

– Это хорошо, что учится. Учиться, учиться и учиться! – не без иронии в голосе заявила Галина. – Вот у меня дочь не хочет учиться. Замуж захотела. А я ей говорю: замуж-то – оно не напасть, лишь бы замужем не... Того... – Галина помотала головой в поисках ускользнувшей мысли. – А у тебя, к примеру, есть муж?

– Мам, ну хватит! Какая разница – есть, нет?

– Никакой, – согласилась мать. – Мужа нет, а ребенок?

– Ребенок есть, – успела ответить Лина. – Это мой ребенок.

– Вот и у нас есть ребенок, – мать выразительно кивнула.

– Все, мам, – Милка в зародыше оборвала неприятный разговор, – мы пойдем спать.

– Идите, – покладисто согласилась мать.

В Милкиной комнате было тепло и уютно. Скользнув под одеяло в розовом пододеяльнике с огромными красными сердцами, Лина сразу уснула. Сквозь сон она слышала какой-то стук. Может, еще кто-то пришел угоститься булками Никифоровой-старшей, а может, это ветер стучал в окно.

– Я тут вот что подумала, – сказала тетя Галя утром, когда Лина с Милкой появились на кухне в поисках очередной порции булок с чаем. – У меня у двоюродной сестры в Андреевске квартира двухкомнатная от мужа осталась. Она в ней не живет, говорит, тоскует по мужу. Я попрошу, чтобы тебя пустила. Подожди головой качать. Денег она с тебя не возьмет, а за квартирой в любом случае присмотр нужен. Все лучше, чем с дитем в общежитии. Я ей уже позвонила, пока вы спали. Она тебя ждет. Да не благодари, потом поблагодаришь, как устроишься на новом месте. Ты только к матери сходи. Она вчера прибежала, искала тебя. Волновалась.

«Значит, действительно был стук», – подумала Лина, а на душе внезапно стало тепло и радостно – все-таки мать волновалась за нее. И Милка переживает. И тетя Галя не осталась равнодушной к ее судьбе. А еще где-то есть человек, который любил ее и, может быть, еще немножко любит.

Квартира сестры тети Гали ей понравилась. Главное – до училища рукой подать. А еще рядом был небольшой сквер, где, наверное, будет здорово гулять с коляской.

Незаметно пролетели январь и февраль. Восьмого марта с утра Лина отправилась на прогулку. Ходить было уже тяжело, поэтому, дойдя до сквера, она примостилась на ближай-

шую скамеечку, мысленно подсчитывая, сколько можно будет посидеть, пока холод не начнет подбираться к малышу. «Малыш» – так она называла ребенка, хотя УЗИ показало, что это девочка. Лина даже имя для нее придумала – Леночка. Нейтральное, трудно придумать какую-нибудь дразнилку, даже самому злому языку не к чему прицепиться. И звучит хорошо – Лена и Лина.

Подходя к дому, она увидела огромную Милку, сидящую на огромной картонной коробке.

– Сюрприз! – закричала та и, по давно заведенной привычке, вскочила и чмокнула Лину в щеку.

– Потихе, потихе! – попыталась Лина уговорить подругу. – Что это за посылка?

– Это Леночке твоей подарки. Наверху еще такая же. Свекор ехал в автосервис, попросила его подвезти меня. Он попер коробку наверх, а дверь закрыта. Бросил ее там. А вторую уже не потащил, здесь оставил. Еще возмущаться стал, что я тебя не предупредила. А что за сюрприз, если предупредить? Он такой же, как сынок. Два сапога пара. Никакой романтики. Одна суровая проза жизни. Да ты не бойся, сейчас я его враз наверх затащу.

Однако, сколько она ни старалась, у нее никак не получалось обхватить коробку.

– По-моему, у кого-то слишком большой живот, – засмеялась Лина, ловко подняв коробку.

– Это у тебя руки длиннее, – пытаясь от натуги, возразила Милка.

И хоть она почти не участвовала в доставке коробки в квартиру, устала почти как Лина, с которой пот лил градом. Дома девушки вывалили содержимое коробок на диван и до темноты с умилением рассматривали распашонки, ползунки, костюмчики, носочки, пинетки и прочее детское приданое. То ли от усталости, то ли от неудобной позы у Лины заболела спина. К ночи боль усилилась, пришлось вызвать «Скорую», и к утру в мире прибавился еще один житель – девочка по имени Лена. Ясно, что Милка домой не поехала – как можно оставить подругу одну!

Забирали Лину из роддома вдвоем – мать и Милка. Привезли домой, поохали, поохали. Леночка таращила голубые глазищи, размахивала кулачками. Вечером мать засобиравшись домой.

– Ты, дочка, зла на меня не держи. Захочешь домой вернуться – я только рада буду, – тут голос ее дрогнул, она всхлипнула. – Неладно как-то у нас с тобой получилось. Пошла я, а то опоздаю на автобус. Сама знаешь, как потом добираться. Никак. Держи, я тут собрала немного, – она вытащила из сумки конверт. – Тебе и Леночке.

– Нет, мама, не надо денег, – Лина решительным жестом отстранила материну руку. – Ты не думай, я не обижаюсь. Но денег не возьму. Выкрутимся.

– Каролинка, зря ты, дочка...

Она повернулась и медленно пошла к входной двери. У порога остановилась, хотела что-то сказать, а потом покачала головой и ушла. Навсегда. Летом рейсовый автобус, в котором она ехала в Андреевск, на железнодорожном переезде протаранил товарный состав. Из-за аномальной жары не выдержала электроника. Врачи сказали, что мать умерла мгновенно. Но от этого было не легче. Раз за разом прокручивая сцену прощания, Лина корила себя за черствость, неуместную гордость, глупость, в конце концов. Кто знает, как повернулись бы события, окликни она тогда мать, возьми у нее эти деньги... К этим грустным мыслям прибавилась тревога за Леночку. Хотя малютка была на редкость крепкой и здоровой, Лина всегда держала в голове обстоятельства, благодаря которым она появилась на свет, ждала от природы какого-либо подвоха. Сама того не замечая, Лина погружалась в трясину депрессии. Спасение пришло в лице окончательно рассорившейся с мужем Милки Никифоровой. Сын Илья, ставший причиной скоропалительного брака, этот же брак и разрушил. Горластый, капризный, он постоянно требовал к себе внимания. Милкиному супругу тоже хотелось быть в центре вселенной, но ему в последнее время все чаще и чаще приходилось отираться на ее задворках. Видный

чувствовал себя обделенным и компенсировал недополученное тепло алкоголем. Милка уже несколько раз уходила к матери. Потом возвращалась, поддавшись на увещевания свекра и свекрови. Какое-то время Видный держался, а потом все возвращалось на круги своя.

В очередной раз, собрав вещички, Милка уехала к подруге в Андреевск, здраво полагая, что найти ее там будет сложнее.

Жить в двухкомнатной квартире с двумя младенцами оказалось одновременно и сложнее, и проще. Сложнее, потому что, если начинал кричать один ребенок, вопль тут же подхватывал другой. Просто круговая порука какая-то! А легче, потому что, пока кто-то один выгуливает обоих детей, другой может заняться своими делами – убрать, приготовить еду, подготовиться к экзамену и даже поспать. Лина потихоньку приходила в себя.

– Знаешь, Лина, я должна тебе сказать одну вещь, – начала как-то Милка. – Леночка твоя – Видного дочка. Он мне рассказал как-то по пьяни. Очень боится, что ты сдашь его.

– Нет, – Лина покачала головой, Видный никак не вписывался в нарисованную ее воображением картину с высоким мужчиной и бульдонешами, – это не он. Точно не он. Я же знаю!

– Ну как знаешь. А то можно было бы сделать экспертизу, в суд подать. Платил бы алименты как миленький.

– То-то он тебе платит.

Милка пожала плечами, и больше к этому разговору они не возвращались.

Прошло три года. Лина окончила медучилище. Она по-прежнему работала в детском саду, куда ходили оба ребенка. Милка после долгих поисков окончила курсы и устроилась секретарем в фирму, занимавшуюся прокатом строительного оборудования.

Как-то вечером, приведя детей из сада, Лина смотрела телевизор. Илья с Леночкой на полу что-то строили из кубиков.

– Представляешь, у нас девчонка одна – ничего особенного – выходит замуж, – с порога заявила вернувшаяся с работы Милка.

– Мама пришла, – радостно завопил Илюша и бросился к матери, попутно снеся половину постройки.

– Ну ты! – взвизгнула Леночка.

– Ничего, сейчас все поправим, – Лина погладила дочку по голове. – Только сначала покормим тетю Милу, хорошо?

– Ты корми, я сама, – обиженно ответила Леночка.

– И я, и я, – Илья примостился рядом с ней. – Сейчас все исправим. Не обижайся.

– И не думала, – буркнула Леночка.

Убедившись, что мир восстановлен, Мила отправилась на кухню.

– Ты слышала, что я тебе сказала? – спросила Милка, падая на табуретку. – Дай поесть чего-нибудь, а то сейчас умру от голода.

– Что девчонка выходит замуж? Слышала. Ну и что? – пожала плечами Лина.

– За француза! У него замок в Нормандии. Я фотки видела. Вот где красота!

– Прямо-таки замок, – недоверчиво усмехнулась Лина.

– Ну не замок, но дом крутой. А мы тут сидим, как две клуши.

– Тебе мало одного замужества?

– Это же совсем другое! Франция! О-о-о! – Милка мечтательно закатила глаза.

– Помнится, совсем недавно кто-то был ярым противником семейных отношений, – попыталась вернуть ее с небес на землю Лина.

– Ты что, не чувствуешь разницы между русскими и французскими семейными отношениями?

– Откровенно говоря, да. Чем тебе наши мужики не угодили? Неужели здесь не можешь найти?

– Много мы нашли за три года? – насупилась Милка. – Прямо в очередь женихи выстроились.

– Так мы вроде и не искали.

– Не обобщай! Это ты не искала, а я очень даже. Погулять все не против, а чтобы взял на себя ответственность за чужого ребенка... Нет таких.

– А иностранцы, значит, готовы?

– Они не то чтобы готовы, просто им нравятся русские женщины, и они готовы ради них на все.

– А чем наши отличаются от иностранных? Только не говори, что неземной красотой.

– А что? Красота тоже имеется, – Милка поправила прическу. – Скажешь, нет?

– Имеется, имеется, – успокоила ее Лина.

– Менталитет у нас другой, вот что. Иностранные женщины сориентированы на карьеру, а наши в большинстве своем – на семью. Вот тебе, например, нужна карьера?

– Не знаю, – Лина пожалала плечами.

– Как не знаешь? Если бы хотела, уже давно в меде училась, а ты сидишь в своем саду... эх. Не хочешь думать о себе, подумай хотя бы о дочке. Она же у тебя красавицей растет. Просто принцесса. А что нужно девушке, чтобы быть настоящей принцессой? – Милка вопросительно посмотрела на Лину и сама ответила на свой вопрос: – Одно из двух: либо папа – король, либо муж – принц. Принцев на всех не хватит, значит, надо найти подходящего папу. Чем я и предлагаю заняться. Мне кажется, любая мать для своего ребенка...

С последней фразой поток воспоминаний подхватил Лину и понес по волнам памяти. Нежно-лиловое платье... Локоны греческой прически, выбившиеся из-под ободка... Мать обобщается, глаза грустные, губы тихо шепчут: «Каролинка, зря ты, дочка...»

Видя, что подруга вошла в ступор, Милка подошла, энергично потрясла ее за плечо.

– Лин, ну давай попробуем. Всего делов-то – сделать профессиональные фотки.

– И чтоб одежды поменьше, – съязвила Лина.

– Нужно будет, и разденемся!

– Вот ты и раздевайся! А язык? Я же совсем не знаю языка, – продолжала упорствовать Лина.

– Выучишь! Поживешь несколько месяцев и выучишь. Лучший способ изучения языка – погружение. Это тебе любой препод скажет. Лин! Ну что ты такая серьезная? Давай хотя бы для смеха!

– Ну, если для смеха, – уступила Лина.

Смех обошелся недешево – пришлось купить новые платья и отдать крупную сумму фотографу. Но затея удалась. Милка нашла себе жениха сразу. Через полгода Лина снова была свидетельницей на свадьбе. Впрочем, свадьбы как таковой не было: зашли в ЗАГС, подписали документы, а потом с детьми съели по огромной порции мороженого в «Чебурашке». Еще через два месяца она расставалась с подругой, уезжающей с мужем в Германию. Полный улыбчивый Клаус не сводил глаз со своей красавицы жены. И Милка тоже улыбалась, и эта улыбка делала их похожими, словно супругов, проживших вместе не один десяток лет.

– Может, еще когда-нибудь увидимся, – сказала на прощание Милка, сжав Линину руку.

Обе они знали, что в обозримом будущем это вряд ли случится – Линин «жених» был родом из Австралии. Она долго и придирчиво изучала фотографии претендентов, сразу откладывая в сторону молодых красавцев. Хотелось чего-нибудь серьезного, основательного не столько для себя, сколько для дочки. Непонятно, что заставило ее остановить свой выбор на Арнольде Эдгертоне, отце двоих взрослых детей. Они обменялись несколькими письмами – Лина писала по-русски, потом переводила письма с помощью программы автоматического перевода. Затем они общались через Интернет с помощью переводчицы из агентства. Говорил больше Арнольд, а Лина смотрела ему в глаза и старалась понять, сможет ли когда-нибудь

полюбить этого абсолютно чужого человека. Через месяц она уже ловила себя на том, что ждет этих встреч. Они уже научились обходиться без переводчицы. Лина интуитивно догадывалась, о чем говорит Арнольд, и либо качала головой, либо кивком подтверждала согласие.

Лина понимала, что вся эта затея – авантюра чистейшей воды, но идти на попятную уже не хотела. Для нее это было равносильно обману. Ведь Арнольд заплатил огромную по ее понятиям сумму. И за что, спрашивается, заплатил? За красивые глаза? Разве они у нее красивые? Вот у Милки – да, красивые. А у нее, Лины, самые что ни на есть обыкновенные.

Он приехал зимой. Шел снег. Они встретились в ресторане гостиницы, где агентство забронировало для него номер. Высокий, с сильно отросшими седыми волосами, зачесанными за уши, чем-то похожий на папу Карло из Леночкиной книжки про Буратино. Он обнял Лину, и она почувствовала себя игрушкой в этих больших и сильных руках. Хрупкой и беззащитной. Но страха не было. Только любопытство, сковывающая тело неловкость и злость на себя, беспомощную, не способную выучить язык. Дальше «привет» и «как поживаешь» у нее никак не получалось. И надежды на обещанное Милкой «погружение» не было никакой.

У переводчицы, очевидно, имелся большой опыт подобных встреч. Беседа за столиком была веселой и непринужденной. И остановки, вызванные необходимостью перевода, не прерывали нити разговора, смысл которого велся к одному: свадьбе – быть.

А потом переводчица вдруг засобиралась, и Лине стало по-настоящему страшно. Вот сейчас оно и произойдет – то самое. Чего у нее вроде бы и не было, а вроде и было. Арнольд взял ее за руку, взял с вешалки пальто и вывел из ресторана в холл гостиницы. Лина почувствовала, как намокли – хоть выжимай – ее пальцы в мощной ладони Арнольда. Он что-то спросил, Лина, конечно же, не поняла. Тогда Арнольд показал глазами на лифт, а затем на входную дверь и вопросительно поднял брови.

– Домой, мне надо домой! – Лина показала рукой на входную дверь и для верности ввернула одно из слов своего скудного запаса – Хоум. У меня ребенок. Чайлд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.